

Судьбы
книг

В. Г. УТКОВ

ДОРОГИ

«КОРЬКА-

ГОРЬУШКА»

«КНИГА»

Виктор Утков

**Дороги
„Конька-
Горбунка“**

**Издательство
«Книга»**

**Москва
1970**

Утков В. Г.

Дороги «Конька-Горбунка». М., «Книга», 1970.

112 с. с илл. (Серия «Судьбы книг»).

У 84

Богата событиями и сложными поворотами судьба сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок». Прочитав ее, А. С. Пушкин в восторге сказал: «Теперь этот род сочинений мне можно и оставить».

Книга «Дороги Конька-Горбунка» — своего рода «биографический очерк» литературного произведения. В ней рассказывается об истории возникновения сказки и судьбе ее изданий. Рассказ ведется на широком историческом фоне, в непосредственной связи с крупными событиями прошлого и настоящего. Книга написана на новом, в значительной части архивном материале. По манере изложения и характеру включенных в нее сведений рассчитана на самые широкие круги читателей.

Оглавление

Книга и ее судьба	5
Чудо на берегах Невы	10
Истоки	18
Трудные годы	30
На широкую дорогу	35
Иван-Царевич против Иванушки	40
Подделки	45
На неверном пути	52
Друзья и спутники	58
Родной брат «Конька-Горбунка»	65
Властелин нового царства	73
Чудные превращения	79
Под звуки музыки	87
Вдали от Родины	92
В будущее	103
<i>Примечания</i>	108

...Только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными для других народов, а, наконец, и для всего света...

А. Н. Островский

Книга и ее судьба

Не красна книга письмом, красна умом.

Народная поговорка

По-разному живут книги — одни, начав свое существование незаметно, приобретают с годами широчайшую известность, другим при рождении пророчат блестящее будущее, а они оказываются пустоцветами, третьим суждено с первых дней жизни пережить бурный взлет славы, затем кануть в небытие, иные живут века, а другие, как бабочки-поденки, погибают, едва увидев свет...

Что же определяет судьбу книги?

Римский грамматик Мавр Теренциан, живший в третьем веке нашей эры, говорил в своем стихотворном трактате «О буквах, слогах и метрах»: *Pro captu lectoris habent sua fata libelli*, т. е. «В соответствии с восприятием читателя книги имеют свою судьбу».

Мысль римского грамматика верна и для наших дней. Да, подлинный хозяин вышедшей в свет книги — читатель. Только его отношение к книге делает ее судьбу заурядной или необычной, а жизнь книги — краткой или длительной. В библиотеках имеются сотни тысяч книг, к которым почти не прикасалась рука читателя. Тихая

смерть на пыльных полках — печальный их удел. И есть книги необыкновенной, счастливой судьбы. Ни многочисленные препятствия, что ставят на пути этих книг, ни прямые запреты, ни попытки уничтожения не могут закрыть к ним дорог читателя. Люди тянутся к таким книгам, запоминают их, пересказывают, переписывают. Годы не властны над ними, они живут не старея.

Рождение и жизнь книги сложны, подвержены многим глубинным, зачастую невидимым с поверхности воздействиям. Появлению книги предшествует длительный период накопления автором знаний, опыта, впечатлений; работа над ней требует напряжения всех творческих сил человека — ума, воли, чувств, памяти.

Но вот книга завершена и вышла из печати. С этого момента автор уже теряет над ней власть, и книга начинает самостоятельное существование. Она попадает в руки читателю, и здесь-то вступает в силу правило, подмеченное еще Теренцианом около двух тысяч лет назад. Примет книгу читатель — она будет жить, отвергнет — книга умрет. И чем теснее узы книги с жизнью, чем глубже ее корни уходят в реальную действительность, тем прочнее место книги в сердце читателя.

Однако и здесь дело обстоит не просто...

И. Д. Сытин в свое время писал: «В русской литературе нельзя, кажется, указать ни одного произведения, которое прожило бы 300 лет и не растеряло бы своих читателей. Жизнь книги почти так же коротка, как и жизнь человека: 50, 75, очень редко 100 лет — и затем наступают забвение и смерть»^{1*}. Единственное исключение, по словам Сытина, — лубочная литература, книги о Бове-королевиче, о Еруслане Лазаревиче, позднее о разбойнике Чуркине.

* Примечания см. в конце книги.

В наше время Сытин не стал бы так говорить. Сейчас мы можем назвать десятки произведений русской литературы, которые живут сто и более лет и будут жить века, пользуясь любовью читателей, а вот те книги, о которых Сытин писал как о долголетних, ныне забыты. Но Сытину не без основания казалось, что лубочной литературе предстоит долгая жизнь.

Несмотря на искусственность сюжетов, примитивность характеров, оторванность содержания от российской действительности, в лубочных книгах было то, что неизменно привлекало к ним симпатии самых широких слоев простого народа. И Бова-королевич и Еруслан Лазаревич боролись со злодейством и несправедливостью, они преодолевали опасности, совершали геройские поступки ради возвышенных целей, а это всегда находило живой отклик в сердцах русских людей. Даже разбойник Чуркин,— как подметил сам Сытин,— был не просто душегуб, а «благородный» разбойник, защитник бедных. Лубочная книга в какой-то мере питала в те времена мечту трудового люда о справедливости, о том, что зло не вечно, что его можно победить.

Со второй половины XIX века делаются первые попытки распространить в народе книги революционного содержания. Народники несут крестьянам и рабочим «Азбуку социальных наук» и «Положение рабочего класса в России» Н. Флеровского (Берви), брошюры И. Худякова «Древняя Русь», «Рассказы о старых людях», книги Н. Наумова «Сила солому ломит» и «Очерки фабричной жизни», правдиво рисующие жизнь трудящихся тогдашней России. Эти книги преследуются царскими служителями, сжигаются в полицейских участках, их распространители подвергаются наказаниям. Как смертельной заразы боится царское правительство правдивой книги. «Все бессмысленное, все поддерживающее в народе суе-

верие, невежество, у нас может без всякого препятствия распространяться в десятках тысяч экземплярах, а всякая дельная книга, где бы народ мог пайти честный совет, полезное сведение, правдивый рассказ из собственной его жизни, преследуется, как вредная, развращающая». Так говорил один из самых ярких представителей революционеров семидесятых годов И. Н. Мышкин².

Мало, ничтожно мало попадает хороших книг в народ. Только в конце XIX века на книжном рынке России начинают появляться дешевые издания русских и зарубежных классиков, научно-популярные брошюры, марксистская литература как легальная, так и нелегальная.

Но и после этого лубочная литература остается широко распространенной в России, особенно среди крестьянства. Даже произведения Гоголя и Толстого, Пушкина и Лермонтова появляются на книжном рынке в личине лубочного издания, «перефасоненными», по выражению И. Д. Сытина. В таком виде они поступали к основному потребителю массовой книжной продукции тех лет — русскому крестьянину, пребывавшему чаще всего в темноте и косности, придавленному нуждой, безземлем, полицейско-чиновничьим гнетом. В широких кругах сельских жителей, среди беднейших слоев горожан никогда не умирала потребность в поэтической книге, дающей простор мечте, книге, образно и доходчиво выражающей думы и чаяния народные, в умной сказке, построенной на реальной основе, той сказке, о которой поэт в свое время сказал: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Жила мечта о книге, написанной языком народа, книге, которая не просто возбуждала бы мечты о торжестве справедливости, а указывала бы конкретных носителей зла и, пусть фантастично, по-сказочному, говорила бы о путях борьбы за торжество народных чаяний. Для тех, кто еще не мог

понять глубокие и неразрешимые противоречия, раздиравшие царскую Россию, кто еще не осознавал и не видел революционного пути, на который уже начала вступать трудовая Россия, такая книга была бы первой ступенькой на дороге к сознательной борьбе с произволом царизма, его чиновников, церкви...

Этой народной мечтой о справедливой книге и пользовались деятели Никольского рынка — основного поставщика лубочной литературы.

А между тем в России давно была создана и пользовалась народной любовью книга, которая ярко отражала народные мечты. Она родилась на свет в свинцовую непроглядную ночь первого десятилетия царствования Николая I и вскоре после своего появления была запрещена. Вновь она увидела свет только после смерти Николая I, но и тогда ее судьба была не из легких, на ее пути к народу ставились разные преграды, и, преодолевая их, она все глубже проникала в народные массы, все прочнее становилась любовь народа к ней...

В этой книге все необычно. Зародилась она в глубине России, в провинции, далеко от признанных культурных центров того времени, а содержание оказалось таким, что всероссийский читатель был покорен ею быстро и навсегда; сюжет книги сказочный, однако она полна реалистических деталей и сцен, насыщена острой критикой различных сторон тогдашней жизни. Книга очень национальна по сюжету, языку, персонажам и вместе с тем вышла за пределы России, переведена на многие языки мира, ее полюбили разные народы. Написана она в условиях царской России, несопоставимых с нашими днями, но и сейчас, спустя более чем век после появления, она радует читателей, выпускается миллионами экземпляров и ее всегда не хватает на современном книжном рынке.

Эта книга сочетает в себе всю противоречивость и сложность книжной судьбы, служит примером удивительного долголетия и имеет, если можно так сказать о книге, необыкновенную биографию...

О сказке «Конек-Горбунок» П. П. Ершова, о ее богатой неожиданными поворотами судьбе, о ее жизни, полной примечательных событий, о дорогах, пройденных ею от возникновения до наших дней, пойдет наш рассказ.

Чудо на берегах Невы

— Кто это Ершов? — спрашивал иной из собеседников. — Автор «Конька-Горбунка». — Боже мой! А об нем ни слуху ни духу: я думал, что он уже давно не существует...

Из разговора в конце 1860-х годов

Весной 1834 года профессор изящной словесности Санкт-Петербургского Университета Петр Александрович Плетнев, поднявшись на кафедру, сообщил студентам, что вместо лекции он прочтет им сказку в стихах, которую считает образцовым произведением в этом роде. Студенты, зная о приятельских отношениях профессора с автором «Руслана и Людмилы», были уверены, что Плетнев познакомит их с новым произведением своего друга.

Профессор положил перед собой тоненькую тетрадку и начал читать:

*За горами, за лесами,
 За широкими морями,
 Не на небе — на земле
 Жил старик в одном селе.
 У крестьянина три сына:
 Старший умный был детина,
 Средний сын и так и сяк,
 Младший вовсе был дурак.
 Братья сеяли пшеницу
 Да возили в град-столицу:
 Знать столица та была
 Недалеко от села...*

Чем дальше читал профессор, тем все необычнее становилась сказка. В ней появился странный персонаж — чудо-конек «ростом только в три вершка, на спине с двумя горбами да с аршинными ушами»; герой сказки — младший сын Иванушка себе на уме и только назван дураком, его умные братья оказываются бессовестными лгунами и ворами; царь в сказке выглядит неумным и жестоким, жадным, несправедливым. Сказка насыщена простонародными выражениями. На студенческую аудиторию, которая состояла в основном из жителей столицы, детей дворян, чиновников, мелкой знати пахнуло из сказки незнакомым им миром крестьянства, заботами хлебопашца, его думами и огорчениями...

А Плетнев, прочитав, как Иванушка был принят на царскую службу, завершил сказку обещанием дальнейших фантастических приключений ее героя:

*Как поймал Иван Жар-птицу,
 Как похитил Царь-девицу,
 Как кольцо ее достал,
 Как он в небе погулял,*

*Как он в солнечном селенье
 Киту выпросил прощенье,
 Как по милости своей
 Спас он тридцать кораблей,
 Как в котлах он не сварился,
 Как красавцем учинился,—
 Словом: наша речь о том —
 Как он сделался царем.*

Это уже переходило все границы! Крестьянский сын становится царем!.. Кто же автор сказки? Почему профессор поступился лекцией ради нее?..

А Плетнев, закрыв тетрадку, объявил, что автор сей отлично написанной сказки — студент философско-юридического факультета, приехавший в Петербург из далекого Тобольска, Петр Ершов.

С этого первого публичного чтения «Конька-Горбунка» и началась его дорога к читателям.

Ершов сразу стал знаменит. У него появились и друзья и недоброжелатели, одни превозносили его сказку до небес, другие смешивали ее с грязью. В судьбе Ершова приняли участие университетские профессора Плетнев и Никитенко, писатели Пушкин и Жуковский. Вскоре первая часть сказки появилась на страницах журнала «Библиотека для чтения». Редактор журнала О. И. Сенковский написал к ней хвалебное предисловие: «...читатели сами оценят ее достоинства,— удивительную легкость и ловкость стиха, точность и силу языка, любезную простоту, веселость и обилие удачных картин, между которыми заранее поименуем одну — описание конного рынка, картину, достойную стоять наряду с лучшими местами Русской легкой поэзии...»

За первой частью сказки шло интригующее обещание:

Петр Павлович Ершов

*Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдет...*

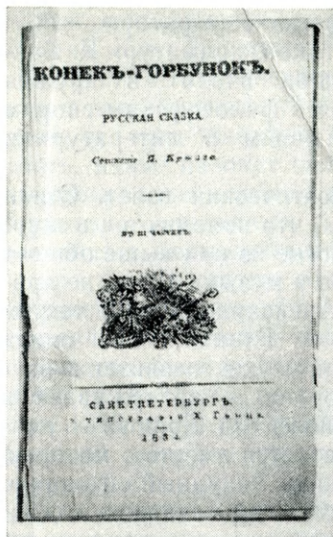
«Но сказка пойдет чередом в другом месте: мы должны здесь остановиться,— писал Сенковский.— Полная поэма г. Ершова состоит из трех таких же частей и в скором времени выйдет в свет особою книгой»³.

В октябре того же года в Петербурге вышло отдельное издание «Конька-Горбунка»⁴. Сказка появилась с пропусками, многие места о царе, о купцах, о слугах царя были убраны. Это не помешало ей быстро стать широко известной. Сказку полюбили самые различные слои тогдашней читающей публики. Друг Ершова по университету А. К. Ярославцов писал впоследствии об успехе «Конька-Горбунка»: «Доныне многие вспоминают, с какой жадностью читали они ее на школьных скамейках и повсюду; как стихи из нее целыми страницами легко укладывались в их памяти, как иным даже доставалось от начальства за то, что у них в руках не учебная мол книга...»⁵ (выделено А. К. Ярославцовым).

На Ершова начали смотреть как на новую поэтическую звезду, восходящую на российском литературном небосклоне. Сам Пушкин отозвался о «Коньке-Горбунке» с великой похвалой; прочитав сказку, он сказал: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить»⁶.

Все это походило на чудо. Какой-то безвестный провинциал, без роду и племени, не имеющий ни связей, ни богатства, вдруг становится знаменитостью на всю читающую Россию. О его сказке пишут в журналах и газетах, спорят в литературных салонах, его самого приглашают к себе видные литераторы и поэты, ведут с ним беседы, его стихи начинают появляться в столичных журналах и альманахах. Издатели спорят о праве выпуска нового издания «Конька-Горбунка».

Титульный лист первого издания «Конька-Горбунка» (из собрания Н. И. Суровжина)

Словом, судьба Ершова повернулась как в сказке!

И вот здесь-то, в момент наивысшего триумфа, о котором Ершов будет вспоминать до последних дней жизни, начинается тот трагический разрыв между судьбой сказки и судьбой ее автора.

«Конек-Горбунок» счастливо вступил на путь самостоятельной жизни. Ершов в это время полон литературных забот, он пишет стихи, поэмы, пьесы, либретто для опер, песни... Кажется, все благоприятствует ему—стихи печатаются, пьеса «Суворов и станционный смотритель» готовится выйти отдельным изданием, и петербургские актеры хотят ее поставить на столичной сцене⁷. К либретто «Страшный меч» пишет музыку О. И. Гунке, скрипач и органист императорских театров⁸. В числе друзей мо-

лодого Ершова многие знаменитые литераторы -- поэт Е. Гребенка, водевилист А. Булгаков, драматург К. Бахтурин, поэт В. Бенедиктов. Ершов входит в кружок Т. Грановского, где приобщается к философским спорам и размышлениям. Он становится своим в литературном Петербурге.

Но краток оказался этот поэтический взлет. Стихи Ершова похожи на сотни других, что появляются в журналах и альманахах, лишь немногие из них выше общего уровня, либретто не имеет успеха и музыка Гунке не прибавляет ему ничего, органист Александринского театра не может конкурировать с гением Глинки, чья опера «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») уже готовится зазвучать со сцены⁹. Выпуск «Суворова...» задерживается. А тут еще несчастья обрушиваются на Ершова — умирает отец, потом брат. Ершов остается вместе с матерью почти без средств, получая лишь скудный гонорар. Мать тоскует по Tobольску, столица ей ненавистна, да и сам Ершов думает, что на родной почве он воспрянет духом, к нему вернуться силы и он создаст новый шедевр...¹⁰

Летом 1836 года Ершов с матерью уезжает в Tobольск. Он становится учителем губернской гимназии, которую кончил сам всего пять лет назад. Ступенька за ступенькой шагает Ершов по служебной лестнице, достигает ее возможных вершин — становится директором гимназии и обширной дирекции училищ губернии. Он пытается осуществить свои юношеские замыслы широкой гражданской деятельности, вводит новые методы в преподавание, создает программу словесности, пишет «Мысли о гимназическом курсе», которые намного опережают существовавшие в то время программы и приемы обучения, заботится о развитии женского образования в губернии и т. д. Не оставляет он и литературных дел — пишет стихи, поэмы, рассказы, сказки, пьесы...

Он не замыкается в рамках чиновничьего казенно-мыслия и это вредит ему. К его начинаниям относятся с подозрением, его новаторство отвергают. Он с горечью пишет петербургскому другу: «У нас, братец, такая строгость, что преподаватель не должен сметь свое суждение иметь, иначе назовут немного не бунтовщиком»¹¹. Многолетняя зависимость от князя П. Горчакова, генерал-губернатора, попечителя гимназии, одного из самых бесцветных и бесталанных сибирских администраторов, беспрестанная слежка со стороны «чиновников гимназии», творческие неудачи, мытарства «Конька-Горбунка», оказавшегося вскоре после выхода под запретом, — все это подтачивает гражданскую и творческую энергию Ершова. В 1862 году, не достигнув и 50 лет (Ершов родился в 1815 году), он уходит на пенсию, обремененный большой семьей и недугами. «Без денег, без здоровья, с порядочной толикой детей и с гомеопатической надеждой на лучшее — вот обстановка моего житья!» — признается он в одном из писем¹².

В августе 1869 года Ершов умирает, оставив после себя добрую память среди учеников и не нажив никакого состояния, не имея даже своего дома. Его похоронили на кладбище в верхней части Тобольска, за древним валом, возведенным, еще сподвижниками Ермака. В окружении белоствольных березок стоит мраморный памятник с надписью: «Петр Павлович Ершов, автор народной сказки „Конек-Горбунок“».

А сказка его к этому времени уже широко распространилась по Руси — в Петербурге вышло седьмое издание «Конька-Горбунка», на столичной сцене идет балет «Конек-Горбунок», а один предприимчивый издатель приспособил сказку Ершова к популярной в то время игре «Гусек»¹³. И уже нередко можно было видеть на кухнях и в чайных, в трактирах и людских, как старые и

малые бросали кости, и по расчерченной доске шествовал Иванушка со своим Коньком-Горбунком от приключения к приключению, преодолевая все препятствия, вызывая у участников игры и зрителей сочувствие и восхищение.

«Коньком-Горбунком» бойко торгуют офени-книгоноши по деревням и на городских окраинах. Лубочным изданиям приходится потесниться. На смену Бове-королевичу, аглицкому милорду Георгу, Еруслану Лазаревичу скачет Иванушка на своем верном коньке...

Что же произошло? Какое чудо способствовало тому, что юноша, неопытный и робкий, выросший в далекой провинции, создал такой шедевр? Чем объяснить то, что и сейчас, спустя более чем век со дня появления сказки «нельзя представить себе такое поколение русских детей, которое могло бы обойтись без нее»¹⁴.

Вернемся к тому времени, когда сказка еще не была написана и автор ее только впитывал в себя все те впечатления, которые потом и помогли ему создать бессмертное творение.

Истоки

Дубовый лист оторвался от ветки родимой...

М. Ю. Лермонтов

Сказка Ершова имеет две любопытные особенности. Первая заключается в том, что в ней нет намека на крепостное право, на власть помещика над крестьянами, хотя и создавалась она в крепостной России. Вторая особенность — герой сказки Иванушка и его друг Конек-Горбунук чрезвычайно легко передвигаются в пространстве — они запросто покрывают огромные расстояния. Для них привычное дело — «верст сто тысяч отмахал и нигде не отдышал». Обе эти особенности вместе с анали-

зом языка, сопоставлением отдельных эпизодов сказки с биографией Ершова свидетельствуют о том, что в основе «Конька-Горбунка» лежат сибирские впечатления автора. Как известно, за Уралом почти отсутствовало помещицье землевладение и крепостное право. Большинство сибирских крестьян были так называемыми «государственными», т. е. принадлежали российскому царствующему дому. В их хозяйстве преобладал денежный оброк («...а оброк давать должны»), а не барщина*. Их «помещиком» был царь, а распоряжались ими царские чиновники («...а исправники дерут»). Именно против царя и его слуг и направлено главное сатирическое острие сказки Ершова.

Преодоление сибирских просторов на лошадях для жителей Зауралья было обыденным делом. Сам Ершов в детском и юношеском возрасте проделал на лошадях не одну тысячу верст. Из деревни Безрукова, где родился, он переезжает в Петропавловск, затем в Омск, откуда делает громадный двухтысячеверстный конец в северный Березов¹⁵. Из Березова Ершов возвращается в Тобольск, откуда, наверное, выезжает во время летних каникул в Омск, где живут его родители. После окончания гимназии он едет в Петербург, покрывая расстояние почти в три тысячи верст.

Представление о мире у мальчика Ершова не ограничивалось только тем, что он сам видел и испытал, хотя видел он для своих лет много. В Тобольске мальчик живет у своего дяди, известного сибирского богача Н. С. Пиленкова, чьи караваны ходили не только на знаменитые ярмарки в Ирбит и Нижний, но и в Семипалатинск для торговли с азиатскими купцами и дальше, в долины Тянь-Шаня. Из Омска совершаются интереснейшие пу-

* Исключением являлись алтайские крестьяне, прикрепленные к заводам; у них узаконен был не оброк, а отработочная форма зависимости.

тешества в глубины Азии: лекарь Зибберштейн, архитектор Лещев и переводчик Омской крепости Путинцев побывали в Тянь-Шане, на берегах озера-моря Иссык-Куля, в районах Восточного Туркестана. Путинцеву даже удалось проникнуть в таинственное синьцзянское шестиградье, о котором в то время ходили самые фантастические рассказы. Наконец, в Омске и Тобольске живы были свидетели возвращения из Индии по Иртышу грузинского путешественника Рафаила Данибегова¹⁶, живы были и сослуживцы по Бухтарминской таможне Филиппа Ефремова, прошедшего всю Центральную Азию, побывавшего в Тибете и в Индии и вернувшегося в Сибирь морем вокруг Африки через Ирландию, Лондон, Петербург¹⁷.

В Тобольске Ершов с 10 до 16 лет живет в непосредственной близости к народу — ямщикам, крестьянам, конохам, казакам, бродягам, стряпухам, солдатам, которые вертелись вокруг большого хозяйства дяди. Народ это — бывалый, тертый, выдавший виды, привыкший к самостоятельным решениям, независимый в своих суждениях и весьма критически настроенный к царю и его чиновникам. Общение со всеми этими людьми и было той живительной основой, на которой потом возник «Конек-Горбунок», произведение, пронизанное антицаристскими настроениями, насыщенное острой критикой тогдашнего чиновничества, проникнутое необыкновенной верой в силы народа и любовью к простым людям.

В «Коньке-Горбунке» нет ни тени уважения к царю, к его приближенным, к царскому суду, к церкви. Царь глуп и грязен, мелочен и жесток, жаден и распутен; его приближенные — подлые и жестокие люди, его суд — скор и несправедлив. Финал сказки революционен — царь гибнет в кипящем котле, на его место садится простолюдин, еще недавно униженный и презираемый.

Характерно для сказки изображение отношений царя и Иванушки. Иванушка — крестьянский сын, полон внутреннего достоинства, неприхотлив и смышлен, с царем он разговаривает просто, без тени подобострастия. Царь — сумасбродный старикашка, который обращается с Иванушкой неизменно жестоко, все время угрожает ему: «запорю!», «посажу тебя я на кол!», «я отдам тебя в мученье!» и т. д. Царские слуги бьют Ивана, подстраивают ему козни, клеветуют на него. Мир Иванушки и мир царя — враждебны, непримиримы. Сказка правдиво отражает отношение трудящихся масс того времени к самодержавию и его слугам, она оппозиционна тогдашнему государственному строю, революционна по заложенной в ней идее. Мы не ошибемся, если скажем, что из русских народных сказок нет ни одной, в которой с такой художественной силой, так последовательно, сгущенно и реалистично были бы выражены антицаристские настроения.

Ершов сумел развить эту линию в сказке еще и потому, что с детства был свидетелем многих проявлений чиновничьего произвола, того произвола, который оправдывался циничной поговоркой, рожденной в Сибири: «до бога высоко, до царя далеко».

На памяти у сибирских жителей, особенно у тоболяков, была судьба первого сибирского губернатора, лихоимца князя Гагарина, повешенного за свои преступления Петром I; совсем недавно неистовствовали в Сибири сатрапы генерал-губернатора Пестеля; хорошо помнили сибиряки и ревизию Сперанского, который говорил, что если в Тобольской губернии чиновников надо судить, то в Томской их надо уже вешать. Крутые меры не помогали, чиновничий произвол процветал — «в Сибири жить холодно, да служить тепло!» — говаривали чиновники и продолжали грабить и лихоимствовать.

Вспоминая свою жизнь на севере, Ершов говорил, что «березовское общество состояло в то время все из оригиналов; если описать его, то никто не поверит, скажут — карикатура»¹⁸. Среди этих оригиналов — судья-клептоман, воровавший мелкие вещи в домах, где бывал, почтарь, производивший поборы с березовских обывателей под видом лотереи, и т. д. Не меньше подобных «оригиналов» было и в Тобольске.

Наконец и из своего семейного окружения мальчик Ершов мог почерпнуть немало впечатлений, связанных с чиновничьим произволом. В 1961 году мне удалось найти в Омском областном архиве следы дела «О коллежском секретаре Ершове и крестьянине Лушкове». По описи было установлено содержание этого «дела»: «О возводимом на него, Ершова, по бытности его в Ишимском округе комиссаром*, крестьянином Гавриилом Лушковым лихоимстве и притеснении» (1823)¹⁹. Отец Ершова настойчиво стремился дать своим сыновьям хорошее образование, это было, несомненно, его положительной чертой, в остальном он, вероятно, не отличался от подобных ему полицейских чинов и был усердным исполнителем воли своих начальников.

Можно было бы привести еще немало примеров, свидетельствующих о той реальной основе, на которой возникла сказка Ершова. Детские и юношеские впечатления автора, воздействие на него народной среды, рассказы бывалых людей, слышанные им в сибирских городах и в дороге, — все это в той или иной степени нашло отражение в сказке. Более того, мы находим порой конкретные истоки тех или иных эпизодов «Конька-Горбунка».

* Комиссар — до 1823 г. низший полицейский чин, пристав.

Уже в первой части сказки в превосходной сцене базара угадываешь ее реальные истоки. В городничем и надсмотрщиках, в их отношениях с купцами (...гости денежки считают, да надсмотрщикам мигают...) скорее всего отразились впечатления, полученные мальчиком Ершовым в Петропавловске и Омске, где его отец служил исправником. Отсюда же возникли и сцены конного торгова, прочувствованное описание чудо-коней, динамический образ белой кобылицы. Конные базары в крепости Петра и Павла, в Елизаветинском редуте под Омском славились на всю тогдашнюю Сибирь, Казахстан и даже Среднюю Азию. На эти базары приводили дивных скакунов.

Превосходно выписана картина «земского суда» в рыбьем царстве. «Представлять в разборе маловажных тяжб и споров действие земского суда» было возложено в то время законом на комиссаров и исправников, должности, которые исполнял отец Ершова. Автор «Конька-Горбунка» с детства был знаком с волокитой тогдашнего судопроизводства и эти детские впечатления сумел блестяще отобразить в сказке.

В финале «Конька-Горбунка», когда злой царь гибнет в кипящем котле, а царем становится крестьянский сын, вышедший невредимым из того же котла, слышится отзвук пугачевщины, память о которой в те годы была еще свежа в Прииртышье. В планы Пугачева входил и захват Тобольска. Агитаторы Пугачева проникли в сибирскую столицу. В Тобольске был схвачен и повешен казак-пугачевец Федор Кропилов, публично засечены шесть человек, многие заклеявлены и приговорены к вечной каторге²⁰. В прииртышских деревнях еще живы были участники и свидетели этих событий, а в северном Березове, у стен собора лежали в грязи пушки Пугачева, сосланные туда навечно.

Блестяще написаны Ершовым сцены рыбьего царства.

Живя на Иртыше и Сосьве, проделав громадный путь на лодке по Иртышу и Оби до Березова, а затем зимой из Березова в Тобольск, мальчик много раз видел необыкновенно богатое рыбье население этих великих сибирских рек.

Забияка-ерш из «Конька-Горбунка», несомненно, традиционен для русских сказок и имеет своих предшественников в сказках и побасенках, где Ерш-Щетинкович — один из самых любимых народом персонажей. Но вместе с тем и ерш, герой подводного царства, и хилые селедки, как нам кажется, имеют и своих реальных предшественников в детских впечатлениях Ершова — это сосьвинские ерши, о которых Словцов писал, что они «превосходят всех ершей несравненной величиной и икрью»²¹, и сосьвинская сельдь — деликатесная нежная рыба, обитающая только в водах Северной Сосьвы.

Ну, а кит? Чудо-юдо рыба-кит — откуда он заплыл в сказку?

В бытность Ершова в Березове жил там интересный, пытливого ума человек — купец Александр Нижегородцев, заведовавший одно время Березовским хлебозапасным магазином. В Тобольском архиве я нашел документы, подписанные отцом Ершова, березовским исправником, и Нижегородцевым совместно²². Это подтверждает их знакомство. Да и не могли быть незнакомыми в маленьком северном городке купец и исправник. Нижегородцев был человеком непоседливым и по своим торговым делам часто разъезжал по обширному Березово-Обдорскому краю. В одну из таких поездок он через своих друзей ненцев получил сведения о ките крупных размеров, выброшенном на берег Карского моря. Кит был уже «частию рублинный» ненцами на корм для собак («все бока

его изрыты»). По просьбе Словцова, тобольского ученого и историка, Нижегородцев составил подробное описание находки с обмерами, появившееся потом в «Московском телеграфе» и в отдельном издании словцовских «Писем из Сибири»²³. Находка эта несомненно долгое время занимала умы березовских, да и не только березовских, обывателей. Петя Ершов не мог не знать о ней и впоследствии воспоминание о ките с изрытыми боками, беспомощно лежавшем на берегу, наряду с другими рассказами о рыбьем царе, слышанными от бывалых людей и от книжечеев, помогло ему воплотить детские воспоминания в яркий сказочный образ*.

Центральный образ сказки — Конек-Горбунок — образ замечательный, не имеющий себе равных в других подобных произведениях. С ним не могут сравниться ни Сивка-бурка, ни морской конек, ни другие персонажи русских народных сказок, да и не похож он на них. Он лишен внешних атрибутов силы, красоты или каких-либо других традиционных признаков сказочного чудоконя — образа, в котором отражались чувства русского крестьянина к лошади, без которой и не мыслилось крестьянское хозяйство. У Ершова это — «игрушечка-конек», «чудная зверушка», он даже уродлив — длиннотухий, горбатый. Но с первым же появлением Конька-Горбунка в сказке у читателя возникает чувство симпатии к нему, которое затем уже не исчезает. Помните, когда Иванушка, еще ничего не зная, заходит в балаган, где стояли кони, и обнаруживает пропажу, Конек-Горбунок утешает его, рассказывает об истинных виновниках кражи: «ты на черта не клепли: братья коников свели...» и обещает помочь горю Иванушки. Здесь впервые проявляются действительные качества Конька-Горбунка: «я

* Находки китов на морском побережье Западной Сибири нередкое явление. В прошлом веке существовал даже китовый промысел в этом районе.

хоть росту небольшого, да сменю коня другого: как пу-
суть да побегу, так и беса настигу».

В образах Иванушки и Конька-Горбунка много обще-
го — автор сказки в их обрисовке использует один и тот
же прием. Иванушка только носит маску дурака, наде-
вая ее, когда это необходимо, когда ему противостоят
глупые или злые люди, в чьих руках власть и сила. Но в
сложных ситуациях он действует умно и решительно
(поймка кобылицы, ловля жар-птицы, пленение царь-
девицы и т. п.). Так же и Конек-Горбунок внешне ни в
чем не проявляет своего истинного существа. Для брать-
ев Иванушки, недалеких и жадных людей, он лишь «чуд-
ная зверушка», урод, на которого они никогда не поль-
стятся. В этом нарочитом приbedнении, сокрытии
существа под внешне незаметной или малопрigлядной
оболочкой Ершову удалось отразить характерное прояв-
ление психологии русского крестьянина, рожденное
прежде всего социальными условиями, в которых он
жил, — его бесправностью, необходимостью защищаться
от сильных и беспощадных врагов. Но гениальность об-
разов Иванушки и Конька-Горбунка не только в глубо-
ком проникновении в народную психологию. Ершову
блестяще удалось выявить существо талантов русского
народа, мало различимое в те годы под оболочкой кре-
постного гнета и сословных предрассудков, создать уди-
вительную для того времени картину духовного богат-
ства человека из народа.

Конек-Горбунок — сказочный персонаж огромной
силы и глубокого символического значения. В нем как бы
воплощена трудовая творческая сила народа, талант,
уменье справляться с трудностями, выходить победите-
лем из самых тяжелых испытаний. Без Конька-Горбунка
Иванушке часто грозит гибель, Конек исправляет его
ошибки, дает добрые советы, помогает в трудную минуту.

С Коньком-Горбунком Иванушке не страшны никакие беды, с ним он побеждает даже смерть. Конек-Горбунок верен Иванушке и соединен с ним неразрывно глубокими внутренними узами. В сказке Ершова нет другого персонажа, которому он мог бы помогать.

Иванушка и Конек-Горбунок как бы сливаются в один могучий, покоряющий читателя образ — образ народа с его вечным обновлением, неиссякаемым оптимизмом, верой в будущее; народа, перед творческой созидательной силой которого падут все темные и злые силы.

Глубокие, истинно народные истоки «Конька-Горбунка» видны не только в обрисовке главных героев, в их взаимоотношениях, в социальных тенденциях и образном строе сказки. Ее текст насыщен подробностями, взятыми из реальной жизни, из крестьянского быта. Они несут важную смысловую нагрузку, придавая сказочным эпизодам и действиям героев достоверность.

Иванушка, собираясь в поход за заморской царевной, не забывает все необходимое уложить в дорожный мешок, по-хозяйски увязать его веревкой и потеплее одеться; боясь проспать появление Царь-девицы, он собирает на берегу камни и гвозди и ложится на них, «чтоб уколоться, если вновь ему вздремнется»; служители царского двора читают лубочную книжку, широко распространенного в те годы «Еруслана»; спальник, прячась в конюшне, обсыпается овсом и т. д. и т. п. Даже обитатели небесного царства Месяц и Солнце наделены простыми человеческими чувствами и потребностями: «Трое суток не спала, крошки хлеба не брала...» Месяц, услышав, что царь намерен жениться на его сестрице, восклицает с завидной непосредственностью, совсем не приличествующей небесному светилу: «Ах, злодей!.. Вишь, что старый хрен затеял: хочет жать там, где не сеял!»

Начальный сюжетный мотив «Конька-Горбунка» взят из реальной действительности — потрава поля. Герой сказки — человек из народа, крестьянский сын — нарисован без тени сусальности, без идеализации. Он в меру лукав, хитер, себе на уме, любит поспать, непрочь поозорничать, но в то же время сообразителен, смел, душевно чист. Раскрытие его характера в сказке таково, что, когда он в финале становится царем, это воспринимается как вполне естественное завершение пути Иванаушки.

Язык «Конька-Горбунка» изобилует народными выражениями, сочными, меткими. По свидетельству современников Ершов слыл знатоком пословиц, поговорок, прибауток, сказок, присловий. «Он внимательно прислушивался к рассказам о поверьях, обычаях, жизни русского народа»²⁴. Народность языка «Конька-Горбунка» — подлинная и естественная, ничуть не похожая на ту трескучую, псевдонародную словесность, которой отличались произведения «для народа», появлявшиеся в печати в те годы.

«Конек-Горбунок» — реалистическое произведение, рожденное жизненным опытом автора, его общением с народом, желанием критически осмыслить окружающую его действительность. Это, конечно, не исключает того, что слышанные в детстве сказки послужили Ершову одним из важных истоков его «Конька-Горбунка», однако ни о каком механическом соединении слышанных ранее сказок, даже о механическом внесении их или отдельных эпизодов в ткань сказки Ершовым и речи быть не может. Подлинными истоками «Конька-Горбунка» были непосредственные жизненные впечатления Ершова, встречи с различными людьми и прежде всего с прииртышскими крестьянами, окружающая его смолоду действительность. В своей сказке юный Ершов выразил не только

подслушанные у народа думы и чаяния, но и в какой-то степени и свое согласие с ними.

Несомненен и литературный исток «Конька-Горбунка» — пушкинские сказки²⁵. Они послужили для юного Ершова тем превосходным образцом, которому он незамедлительно последовал. Пушкин первым приник к живительному роднику русской народной поэзии и открыл его для писателей и читателей своего времени. Ершов творчески воспользовался этим открытием и создал свое, оригинальное произведение, полное глубокого социального смысла, народное по существу и по форме, оптимистичное по своей идее.

Недаром Пушкин зорко провидел будущее «Конька-Горбунка». Ярославцов в своих воспоминаниях пишет, что «Пушкин заявил... намерение содействовать Ершову в издании этой сказки с картинками и выпустить ее в свет по возможно дешевой цене в огромном количестве экземпляров для распространения в России»²⁶.

Замысел этот не удалось осуществить — Пушкин погиб, а Ершов, уехав в Тобольск, оказался оторванным от живой струи передовой русской литературы. К тому же сказка его вскоре оказалась под запретом.

Намерение Пушкина воплотилось в жизнь только спустя многие и многие годы.

Но прежде чем «Конек-Горбунок» увидел свет в массовых изданиях и с картинками, ему пришлось преодолеть немало препятствий и миновать многие беды...

Трудные годы

*Скоро сказка говорится, дело мешкотно творится.
«Конек-Горбунок»*

Да, только Пушкин, гениальный Пушкин понял, что за сокровище обрела русская литература и русский народ в «Коньке-Горбунке» и как важно широко распространить эту сказку. Этого не понимали в то время и те, кто хвалил, и те, кто ругал «Конька-Горбунка». Сенковский, как мы уже знаем, причислил сказку Ершова к произведениям «легкой поэзии», а Белинский отозвался о ней уничтожающе: «она написана очень недурными стихами, но... не имеет не только никакого художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса»²⁷. Другие отзывы были не лучше. Рецензент из «Отечественных записок» удивлялся, «как этот Горбатко мог доскакать до второго издания?» А по поводу третьего издания те же «Отечественные записки» писали: «Русская пословица говорит: не родись ни пригож, ни умен, родись счастлив, — а теперь, после сказки г. Ершова, надобно говорить: не родись пригож и умен, а родись глупцом, празднoлюбцем и обжорой. Забавно, что узкие головы, помешанные на своей так называемой нравственности, проповедуя добродетель и заботясь о невинности детей, рекомендуют им сказку Ершова, как приятное и назидательное чтение!!! Хороша назидательность!»

Прозорливее всех оказались царские чиновники. Они первыми увидели в сказке Ершова антицаристскую сущность и насмешку над правительственными учреждениями. После третьего издания «Конек-Горбунок» был запрещен²⁸.

Начались мытарства сказки и ее автора.

Ершов пока ничего не знает о запрете и договаривается со своим старым знакомцем Смирдиным о выпуске четвертого издания «Конька-Горбунка» с иллюстрациями. Уже готовы и согласованы условия выпуска. Но Смирдин молчит. В июле 1847 года Ершов пишет своему петербургскому другу В. А. Треборну, служившему в Опекунском совете: «Можешь также предложить Смирдину, не захочет ли он купить одно издание „Конька“ отдельно. Московские книгопродавцы уже давно осаждают меня об этом предмете, но мне не хотелось бы иметь с ними дело. Цена за издание по 1 руб. асс. с экземпляра, т. е. за полный завод 1200 рублей асс., как и прежде у меня покупали. Только с условием, чтобы деньги были высланы все сполна, без рассрочки! Знаю я эти рассрочки! 10 пар сапогов износишь, ходя на поклон к своим же деньгам»²⁹.

Опять никакого ответа. Замолчали и московские издатели.

В начале 50-х годов за выпуск «Конька-Горбунка» энергично берется издатель и книготорговец П. Крашенинников, бывший приказчик Смирдина. Ершов представляет ему новую рукопись сказки, дополненную по сравнению с прежними изданиями. Однако сказку не разрешают напечатать ни в дополненном виде, ни по третьему изданию.

Тогда Ершов обращается к Ярославцову, служившему секретарем Петербургского цензурного Комитета: «...ради бога, скажи мне: за что такая немилость к „Коньку“? Что в нем такого, что могло бы оскорбить кого бы то ни было? Похлопочи А. К., а если успеешь, то уполномочиваю тебя заключить с Крашенинниковым те же условия, какие я предложил ему, т. е. за право издания 300 р. с.; 200 руб.— при отдаче в типографию,

и 100 руб.,— по истечении года, да сверх того 25 экземпляров издания»³⁰.

Это было написано в августе 1852 года.

В октябре 1854 года, так и не получив ответа, Ершов снова обращается к Ярославцову с просьбой узнать, что с «Коньком-Горбунком». На этот раз его письмо похоже на крик отчаяния: «Есть ли надежда, или приходится уж бить отбой себе на убой?..»³¹

Ершов в тобольском захолустье не знает, что никакой надежды на новое издание нет. В столице к этому времени произошли события, которые исключили возможность выпуска «Конька-Горбунка».

Началось все с лубочной литературы, о долговечности которой в свое время говорил Сытин. В 1849 году вышло одиннадцатое издание «Повести о приключениях английского милорда Георга и о браденбургской маркграфине Фридерике-Луизе, с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии»³². Так называемый «Комитет 2-го апреля» (1848 г.), подчиненный непосредственно Николаю I и осуществлявший высший «надзор за духом и направлением книгопечатания», узрел в этой книге некоторые нескромные места и обратился к министру народного просвещения с посланием, в котором обязывал его представить «свои соображения: каким бы образом умножить у нас издание и распространение в простом народе чтения книг, писанных языком, близким его понятиям и быту, и, под оболочкой романтического или сказочного интереса, постоянно направляемых к утверждению наших простолюдинов в добрых нравах и в любви к православию, государю и порядку»³³.

Министр, а тогда им был мракобес и ханжа П. А. Ширинский-Шихматов, о котором говорили, что он поставил просвещению шах и мат, составил по этому поводу про-

странный доклад для Николая I. Министр писал, что десять изданий «Милорда Георга» за 50 лет еще не доказывают, что книга стала популярной: ее читают городская дворян, часть низшего сословия городских обывателей и отчасти в помещичьих селениях. Кроме того, по мнению министра, «Милорд Георг» не является безнравственной книгой, так как по своей нелепости не оставляет в читателях сильных впечатлений и поэтому не опасен в руках простолюдинов. Далее в докладе Ширинский-Шихматов развивает свою программу издания книг для народа.

Это была весьма своеобразная «программа». Ширинский-Шихматов писал, что «всего полезнее было бы для правительства поощрять чтение книг не гражданской, а церковной печати». Чтение книг гражданской печати министр народного просвещения считает «совершенно бесполезным или вредным занятием». А «книги духовного содержания укрепят простолюдина верою и упованием на святой промысел к новым трудам и к благодушному перенесению всякого рода лишений...»³⁴. Короче говоря, надо вернуться к допетровским временам!

Доклад был одобрен Николаем I. Тогда Ширинский-Шихматов, охваченный желанием окончательно разделиться с ненавистным ему просвещением народа, пишет второй доклад — «О средствах для ограждения России от преобладающего в чужих краях духа времени, враждебного монархическим началам, и от заразы коммунистских мнений, стремящихся к ниспровержению оснований гражданского общества»³⁵.

И этот доклад был одобрен императором, больше всего боявшимся проникновения в Россию революционных идей. На основании докладов Ширинского-Шихматова были утверждены практические правила для того, чтобы в книгах, «назначаемых для чтения простого народа...

не было не только никакого неблагоприятного, но даже и неосторожного прикосновения к православной церкви и установлениям ее, к правительству и ко всем постановлениям от него властям и законам...»³⁶

Можно ли было после этого говорить о новом издании «Конька-Горбунка»?

А тут еще дело петрашевцев показало, что в книжных магазинах и лавках продавалось много запрещенных книг. Да и у самого Ершова в связи с петрашевцами не все оказалось благополучным — его самый близкий друг по университету, с которым он намеревался организовать общество по изучению Сибири и сопредельных с ней стран, Константин Тимковский, был арестован, осужден и отправлен в крепость. В Тобольске у Ершова начались служебные неприятности³⁷.

Казалось, теперь сказка похоронена навечно...

Но пришел конец царствованию Николая I. Он умер 19 февраля 1855 года. Один из современников так вспоминал об этом: «Мы находились в Петербурге в тот счастливый для России день, когда Николай Павлович (одними прозванный „Незабвенный“, а другими „Неудобозабываемый“) отправился к предкам своим. Мы помним всеобщую радость, подобно электрическому току, охватившую всех честных и благомыслящих людей, мы помним ликование всеобщее. Всякий чувствовал, что бремя тяжелое, неудобноносимое свалилось с плеч и дышал свободнее. Со смертью Николая оканчивалась целая эпоха деспотизма»³⁸.

Крашенинников чутьем опытного книготорговца уловил благоприятную ситуацию и обратился к новому министру народного просвещения А. С. Норову с просьбой о разрешении напечатать сказку Ершова. Близкий советник министра А. В. Никитенко, хорошо знавший Ершова по Петербургу и одно время переписывавшийся с ним,

поддержал запрос Крашенинникова. Министр дал разрешение на выпуск сказки четвертым изданием.

Перед «Коньком-Горбунком» открылись новые дороги.

На широкую дорогу

Не бойся дороги, были б кони здоровы.

Старинная пословица

Итак, после тринадцатилетнего перерыва, в 1856 году, «Конек-Горбунок» выходит четвертым изданием. Едва только весть об этом дошла до Тобольска, как Ершов пишет в Петербург друзьям радостное письмо: «„Конек“ мой снова поскакал по всему русскому царству!.. Счастливый ему путь!.. Крестный батюшка его, Крашенинников, одел его очень чисто и хвалит крестника напропалую. Журнальные церберы пока еще молчат: или оттого, что не обращают на него ни малейшего внимания, или собирая громы для атаки. Но ведь, конек и сам не прост. Заслышав, тому 22 года, похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнев, и проскакав в это время во всю долготу и широту русской земли, он очень мало думает о нападках господствующей школы и тешит люд честной, старых и малых, и сидней и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, т. е. до скончания века»³⁹.

Однако Ершову пришлось кое-что изменить в сказке. Он мог бы, поддавшись требованиям и давлению властей, повернуть сюжет сказки в сторону официальной

народности, предельно смягчить ее социальную остроту, критическую направленность. Ершов этого не сделал. Он изменил по сравнению с первым изданием следующие строки сказки:

1-е издание

*Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с телегою пустой
Возвращались домой.*

*Но конька не отдавай
Ни за яхонт, ни за золото,
Ни за царскую палату...*

*Чтобы не было содому,
Ни смятенья, ни погрому,
И, чтобы купецкой род
Не обманывал народ.»*

4-е издание

*Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.*

*Но конька не отдавай,
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь,
бабку...*

*«Чтобы не было содому,
Ни давежа, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ.»*

Но убрав эти и некоторые другие строки, Ершов добавил в сказку новые, которые лишь усилили антицаристскую направленность «Конька-Горбунка». Первой обратила на это внимание советская исследовательница творчества Ершова И. П. Лупанова⁴¹. Сопоставляя тексты первого и четвертого изданий, анализируя их, Лупанова убедительно доказывает, что, по существу, никакого смягчения сказки в четвертом издании Ершовым не было сделано. Наоборот, новое издание достигает большей сатирической силы «в обрисовке представителей социальных верхов», углубляет «общую ироническую тональность всего повествования».

В четвертом издании нет цензурных пропусков, которыми пестрело первое издание. Однако мы лишены воз-

возможности судить о том, восстановлены ли автором изъятые цензурой места или написаны заново, так как первоначальной рукописи «Конька-Горбунка» не сохранилось. Но мы можем оценить то новое, что по сравнению с первым изданием включил Ершов в сказку. Не было ранее слов Месяца о царе: «Вишь, что, старый хрен, затеял!», не было и замечания Конька о царе: «Чай, наш старый женишок снова выкинул затею?», слов царя, обращенных к Иванушке: «Отвечай же! заporю!», «Если ж ты да будешь врать, то кнута не миновать!» Ершов усиливает отрицательную сатирическую характеристику доносчика-спальника, верного слуги царя, она становится более выразительной. Строки «Хитрый спальник со смиреньем к государю приступил и перо ему вручил» Ершов заменил: «Скрючась обручем таловым, ко кровати подошел, подал клад — и снова в пол», создав зримый образ подхалима. Изменена и авторская характеристика главного героя сказки: в подавляющем большинстве мест Ершов уже не пользуется эпитетом «дурак» в приложении к Иванушке, дураком Иванушку называют братья, царь, яснее становится замысел сказки — Ивана, крестьянского сына, считают дураком только его враги и недобрые люди, он лишь носит маску дурака.

В четвертом издании П. Ершов заметно изменил и речевую окраску сказки, еще более приблизив ее к народной, крестьянской речи. Это придавало сказке большую картинность и выразительность. Вот несколько примеров: строка «снова начало смеркаться» заменяется: «стало сызнова смеркаться»; не имеющую точного временного определения строку «Вдруг на поле конь заржал» Ершов заменяет другой, более соответствующей сказочному строю: «Вдруг о полночь конь заржал». Строки «И тотчас царя спросил, для чего его будил» Ершов меняет на эмоционально окрашенные, с хорошо выражен-

ной интонацией Иванушки: «Крякнул дважды и спросил: «А пошто меня будил?», избавляясь при этом от неуклюжего сочетания звуков «чего его». Вялые строки «Через кочки, чрез бурьян побежали в балаган» заменяются великолепными, динамическими: «По крапиве прямиком так и дуют босиком...» и т. д.

Есть еще одно свидетельство того, что Ершов и в зрелом возрасте не хотел смягчать социальную остроту сказки, ее антицаристскую направленность. Во всех изданиях «Конька-Горбунка», начиная с первого, заключительные строки сказки читаются так:

*«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть,
Люба ль я в а м? Отвечайте,
Если люба, то признайте
Володетелем всего
И супруга моего!..»
«Люба, любал!» — все кричат...*

В бумагах биографа Ершова Мокроусова имеется указание, что эти строки Ершов выправил и они должны звучать иначе:

*«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть,
Любо ль то в а м? Отвечайте,
Если любо, то признайте
Володетелем всего
И супруга моего!..»
«Любо, любо!» — все кричат...⁴²*

Эта правка вносит иной оттенок в финальную сцену сказки, более радикальный. Народ выражает свое отно-

шение и к гибели злого царя, и к тому, что царем становится Иванушка, а не только к Царь-девице. К сожалению, подлинник сказки с правкой Ершова, на который ссылается Мокроусов, не найден. В нем могут быть и другие интересные неожиданности.

В четвертом издании сказка не потеряла своей социальной остроты. Бережная правка автора только усилила ее подлинно народное существо.

При жизни Ершова выпускаются пятое (1861), шестое (1865) и седьмое (1868) издания. К началу XX века «Конек-Горбунок» выходит уже 17-м изданием. Сказка получает все более широкое распространение. Трудно найти в стране уголок, где не знали бы о ней. «Конька-Горбунка» читают и стар и мал. Малые учатся по нему грамоте, для многих сказка становится первой книжкой, которую они прочитали, старые находят в ней выражение своих сокровенных дум и чаяний, здоровую пищу для развития антицаристских и античиновничьих настроений. «Добрым молодцам урок» ершовской сказки действует в полную силу.

Популярность «Конька-Горбунка» начинает тревожить царские власти, они и рады бы запретить сказку, но уже поздно! Даже если и не издавать ее, она распространится в списках, в устной передаче, а на каждый роток не накинешь платок!..

И тогда неожиданно на помощь чиновникам приходят поставщики лубочной литературы. Они начинают один за другим выпускать подделки под «Конька-Горбунка». Те же герои, тот же сюжет, те же приключения, а смысл иной...

Не нужно думать, что выпуск подражаний сказке Ершова был кем-то организован, нет, это был стихийный рыночный процесс, книготорговцы и издатели, используя народную любовь к «Коньку-Горбунку», начали «пе-

рефасонивать» его и наживать на этом капиталы. Царские чиновники не препятствовали этому — подделки были написаны в нужном им духе, прославляющем царя, купцов, церковь.

Однако задолго до этого была уже предпринята попытка создать сказочное произведение для народа, прославляющее царя и его слуг. Автором такой сказки был известный русский поэт В. А. Жуковский, в свое время помогавший Ершову и высоко оценивший «Конька-Горбунка» при его появлении на свет.

Иван-Царевич против Иванушки

Царю из-за тына не видать.

Русская поговорка

Почти одновременно с выходом сказок Пушкина и «Конька-Горбунка» Ершова начинают появляться подражания этим произведениям. Были это, как правило, жалкие эпигонские попытки, бесталанные пробы неумелого пера. Однако они еще не несли в себе злого умысла — подменить подлинное сокровище фальшивым, наоборот, они были в полной степени подражательными и старались попасть в тон сказкам Пушкина и сказке Ершова, как бы составить с ними один хор. Эти упражнения не имели ни малейшего успеха и не оставили после себя никакого следа, разве только в критических статьях того времени.

Но никак нельзя назвать невинными сочинения, имевшие своей целью заменить популярные в народе произведе-

дения, другими, внешне похожими, но совершенно отличными по заложенной в них идее.

Подобного рода цель и ставил перед собой В. А. Жуковский, создавая «Сказку о Иване-Царевиче и сером волке».

Жуковский — фигура сложная, противоречивая. Полукрепостной, незаконный сын помещика Бунина и пленной турчанки Сальхи, получивший фамилию от обедневшего помещика А. Г. Жуковского, крестного отца, он по стечению обстоятельств оказался в непосредственной близости к Николаю I и его двору. Предшественник и учитель Пушкина, чуткий покровитель молодых талантов, человек мягкий, доброжелательный, склонный к меланхолической созерцательности, он становится воспитателем и наставником наследника престола, будущего Александра II. Здесь на вершине тогдашней правительственной иерархии, пользуясь своим положением, он сделал много полезного для русской литературы. Однако дворцовая обстановка не пошла на пользу самому Жуковскому, он почти перестал писать стихи, все больше склонялся к немецкому мистицизму и романтизму, удаляясь от русской поэзии, занялся переводами. Не мог он слиться полностью и с окружением Николая I, многое претило ему во дворце, хотя и был он по своим взглядам последовательным монархистом. После двух с небольшим десятилетий придворной службы Жуковский подает в отставку и в 1841 году навсегда уезжает из России. До конца своих дней он живет в Германии у родственников жены, вдали от живительных связей с русской литературой и русскими писателями. События, развертывавшиеся в Европе, пугают его, передовые идеи того времени он называет вышедшим «из нечистой бездны бунта... бешеным коммунизмом»⁴³. Он страшится, что революционная буря перекинется на Россию, поколеблет само-

державную власть, а «самодержавие,— говорил он,— есть высшая и самая простая форма верховной власти»⁴⁴. Он хочет внести свою лепту в предотвращение новой пугачевщины и решает создать такую сказку, которая воспитывала бы «второй детский возраст» (как определяет народ Жуковский) в духе преданности самодержавию. Так появилась «Сказка об Иване-Царевиче и сером волке».

Содержание сказки удивительно напоминает «Конька-Горбунка», только у Жуковского все перевернуто: три сына не у крестьянина, а у царя Демьяна; царь имеет не пшеничное поле, а «прекрасный сад», в котором растет «чудная яблоня», с этой яблони кто-то крадет по ночам «золотые яблоки». Как и в «Коньке-Горбунке», отец призывает своих сыновей и просит их поймать вора. Каждому из них он обещает полцарства. Царевичи по очереди караулят. Старший и средний обманывают отца (заваливаются спать, подобно братьям Иванушки в сказке Ершова), а младший — Иван-Царевич обнаруживает вора. Им оказывается не прозаическая кобылица, а сказочная Жар-птица. Иван-Царевич пытается поймать ее, хватая за хвост, она вырывается, в руке у царевича остается перо, которое все вокруг освещает огненным светом. Царь приказывает поймать Жар-птицу. Начинаются ее поиски. Конька-Горбунка в сказке Жуковского заменяет Серый волк.

В сказке Ершова Конек просит Иванушку не брать перо Жар-птицы, Иванушка не слушается («Говори ты, как не так!»), и это служит истоком многих злоключений крестьянского сына. У Жуковского Серый волк тоже предупреждает Ивана-Царевича, чтобы он не трогал золотую клетку, в которой сидит Жар-птица: «Быть беде...» Царевич, как и Иванушка, нарушает запрет. Но в сказке Ершова все это выглядит естественно, вытекает из

характера Иванушки, у Жуковского — пресно и скучно: царевич «забывает» о предупреждении волка, берет золотую клетку, чтобы в ней везти Жар-птицу, и попадает в беду. Тут невольно вспоминаешь, как ловит Жар-птицу ершовский Иванушка. Он хватает Жар-птицу за хвост и заталкивает ее в мешок, а не в клетку, «богатую и золотую». Полный озорства, Иванушка хлещет этим мешком вдоль и поперек и, когда стая улетает за тучи, «Иван наш вслед за ними так и машет и кричит, словно щелоком облит». Видишь и сказочных птиц и движения Ивана, чувствуешь его характер. Куда тут благовоспитанному Царевичу до Ивана!

Потом следует цепь приключений, связанных с царевной Еленой. И опять-таки у Жуковского все благо нравно и скучно: царевна прекрасна, Царевич сразу в нее влюбляется, а она — в Царевича и т. д.

Вспомните, как у Ершова:

*«Хм! Так вот та Царь-девица!
 Как же в сказках говорится,—
 Рассуждает стремянной,—
 Что куда красна собой
 Царь-девица — так, что диво!
 Эта вовсе некрасива:
 И бледна-то, и тонка,
 Чай, в обхват-то три вершка;
 А ножонка-то, ножонка!
 Тьфу, ты! словно у цыпленка!
 Пусть полюбится кому,
 Я и даром не возьму...»*

Иванушка бесцеремонно хватается за косу: «Нет, постой же ты, дрянная!..»

У Жуковского все не так! Его сказка пронизана по-

добострастным уважением к царям и их слугам, действие разворачивается вяло. Рядом с «Коньком-Горбунком» она похожа на бледную бесталанную пародию, лишенную жизни, полную скучных нравоучений.

«Сказка об Иване-Царевиче и сером волке» тоже заканчивается свадебным пиром. Но у Ершова злой царь гибнет и царем становится крестьянский сын, а у Жуковского царь Демьян выходит на балкон дворца и народ, собравшийся на площади, кричит:

*Да здравствует наш государь Демьян
Данилович с наследником Иваном-
Царевичем и с дочерью Царевной
Еленой прекрасной...*

Идет пир, на него приглашены все, все ликуют, однако Жуковский верен своей идее — на страже порядка в столице стоит «драчун-дубинка», она

*Держала караул; она ж ходила
По улицам, чтоб наблюдать везде
Порядок: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала в спину прямо
На съезжую...*

Торжеством полицейской дубинки и съезжей заканчивается эта примечательная сказка.

Жуковский писал П. А. Плетневу, что он посвящает свою сказку «взрослым детям», т. е. народу. Он излагает программу таких сказок: «Надобно, чтобы в детской сказке (не для первого, а для второго возраста) все было нравственно чисто; чтобы она своими сценами представляла воображению одни светлые образы, чтобы эти образы никакого дурного, не нравственного впечатления после себя не оставляли — этого довольно»⁴⁵.

Конечно, из этой попытки ничего не получилось. Сказка Жуковского успеха не имела. Да и не могла она тягаться с живой, остроумной, подлинно народной сказкой.

Однако мысль, заложенная Жуковским в создание своей сказки, неожиданно нашла свое воплощение несколько лет спустя в других произведениях, написанных неизвестными и бездарными авторами.

Подделки

Возьмем да покрасим и выйдет Герасим.

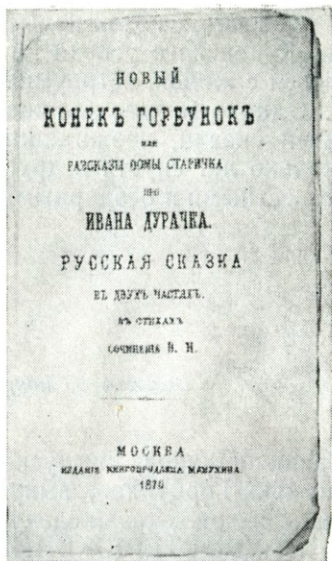
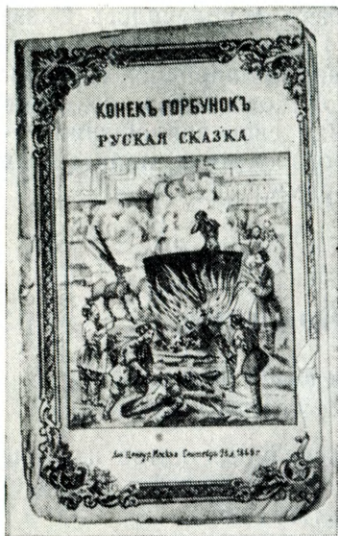
Русская поговорка

Крашенинников, выпуская очередное, пятое издание «Конька-Горбунка», вынужден был закончить объявление о выходе сказки следующим текстом:

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ: В июне месяце сего года появилась в продаже другая сказка, носящая название «Конек-Горбунок». В заглавии этой сказки напечатано, что она подражание сказке Ершова. Но слово «подражание» в сравнении с собственными именами напечатано таким мелким шрифтом, что многие могут принять эту сказку за самое сочинение Ершова. Считаю долгом обратить внимание тех, кто пожелает купить подлинную сказку Ершова, а не подражание ей, носящее то же название, но написанное неизвестным автором.

Издатель-книгопродавец П. Крашенинников.

Крашенинников не зря предупреждал своих покупателей. Издатели, выпускавшие подражания сказке Ершова, действовали ловко и нагло. Зная о любви народа к этой сказке, они издадут свои подделки, одевая их в обложки подлинного «Конька-Горбунка».

Обложка и титульный лист одной из ранних подделок под сказку П. Ершова. Тобольский музей

Все в этих изданиях напоминает ершовскую сказку: те же иллюстрации, тот же размер стиха, те же герои, те же приключения героев.

Вот, например, в 1869 году книготорговец Манухин выпускает книжку, на обложке которой известный многим читателям рисунок: под большим котлом горит огонь, обнаженный человек, окутанный паром, готовится нырнуть в горячую воду; рядом с котлом стоит горба-

тый длинноухий конек. Над рисунком название книжки: «Конек-Горбунок. Русская сказка». Внизу указана дата разрешения к печати: «Сентября 23 д. 1869 г.» Кажется, ясно — на книжном рынке появилось еще одно издание сказки Ершова. Но не будем спешить, откроем книжку, на титульном листе ее читаем: «Новый Конек-Горбунок или Рассказы Фомы старичка про Ивана-дурачка. Русская сказка в двух частях. В стихах. Сочинение В. П.»

Эта подделка не имеет никакого отношения к ершовской сказке, написана она плохими стихами, содержание «Конька-Горбунка» в ней искажено. Вот как выглядит зачин «нового» «Конька-Горбунка»:

*Как и должно, за морями,
Где луна за облаками
Ночью божий свет живет,
Деревушечка стоит.
В той немудрой деревушке
В бедной хижине лачужке
Старичок жил Пантелей
Со старухою своей...*

У старой четы три сына: Иван, Гаврила и Данила; т. е. так же, как и в ершовской сказке. Но «урок» сказки совсем иной. Все помыслы и действия братьев устремлены на наживу. Данила и Гаврила становятся богатыми людьми, успешно торгуют, отношение автора к их успехам уважительное. В богача превращается и Иван. Он с помощью «одра-скотины, на спине с одной горбиной» (и это Конек-Горбунок!) завоевывает дочь боярина Берендея и сам становится боярином, богатым человеком.

Другие подобные издания, как, например, подражание «Коньку-Горбунку», выпущенное книгопродавцем Яковлевым, почти полностью повторяют сюжет и персо-

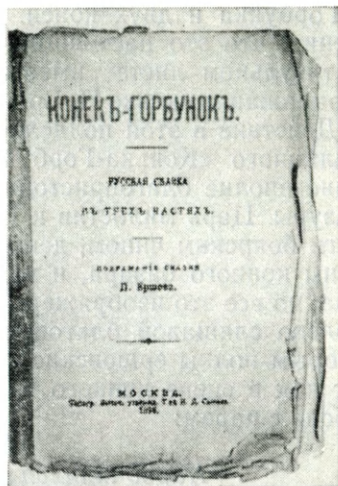
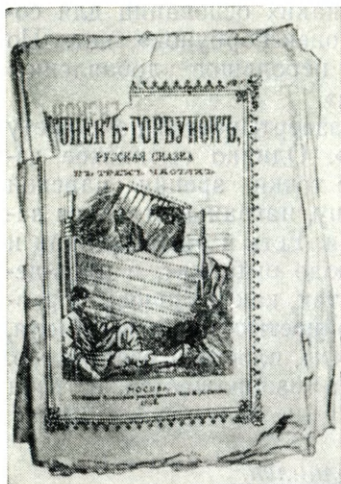
нажей ершовской сказки, но совсем лишены ее критической, антицаристской и античиновничьей основы, написаны плохим языком, явной подделкой под народный.

Начиная с конца шестидесятых годов таких подражаний и подделок выходит великое множество. Сейчас их невозможно даже все учесть. Почти каждый мелкий книгоиздатель считал возможным выпустить своего «Конька-Горбунка» и поправить им дела. На основании просмотра многих библиографических изданий, каталогов книжных магазинов и книгоиздательских фирм, знакомства с фондами библиотек и музеев удалось установить, что с конца 1860 до 1900 года было изготовлено более 60 подобных изданий. За это же время подлинный «Конек-Горбунок» был издан 12 раз.

Подделки выпускают многие издатели, и крупные, и мелкие. Всем хочется заработать на имени «Конька-Горбунка». По неполным данным, издатель Шарапов выпустил пять изданий поддельного «Конька-Горбунка», Яковлев — шесть, Морозов — семь, Губанов — четыре, Орлов — шесть, Щеглов — три и т. д. С 1870 по 1880 год вышло 21 такое издание, каждый год по два, общим тиражом около 200 тысяч экземпляров. В следующем десятилетии издано более 15 поддельных сказок Ершова тиражом около 150 тысяч экземпляров. За эти же 20 лет «Конек-Горбунок» Ершова выпускался всего шесть раз, и общий тираж его не превышал 50 тысяч экземпляров.

Книжный рынок в те годы был буквально заполонен подделками под «Конька-Горбунка».

К 90-м годам выпуск таких изданий берет в свои руки книготорговое товарищество И. Д. Сытина. Сытин ставит дело на широкую ногу. К концу 1880 года он выпускает уже десятое издание своего «Конька-Горбунка». Агенты Сытина, многочисленные офени-книгоноши разносят эти подделки по деревням и городам России, про-

Подражание «Коньку-Горбунку», изданное в конце XIX в. И. Д. Сытиным. Обложка и титульный лист. Тобольский музей

никая, по меткому выражению Мамина-Сибиряка, как вода во все щели.

К этому времени подделка под «Конька-Горбунка» приобретает устойчивую форму. За основу берется издание Яковлева. Его и продолжает выпускать Сытин. Все делается так, чтобы ввести в заблуждение покупателя и под видом подлинного «Конька-Горбунка» продать подделку. Например, на обложке сытинского издания 1889 года стоит название «Конек-Горбунок, русская сказка в трех частях». Рисунок изображает Иванушку, Конь-

ка-Горбунка и двух коней. Никаких оснований для сомнения, что это настоящий «Конек-Горбунок» нет. Но на титульном листе имеется небольшое добавление: «Подражание сказке П. Ершова».

Действие в этой подделке разворачивается по сюжету подлинного «Конька-Горбунка». Однако сытинское издание вполне благопристойно с точки зрения царской цензуры. Царь милостив к Ивану, награждает его за заслуги боярским чином, деньгами. Есть в этом издании и сцены конного базара, и чудо-юдо рыба-кит, и царь-девица, но все это изображено не так, как у Ершова, а разбавлено слащавой благопристойностью, лишено юмора, которым полны ершовские строфы, плоско и бесталанно. Вот как в сцене конного базара изображается встреча народа с царем:

*Народ шлялся и толпился,
Потом вдруг засуетился,
Все кричали — «едет царь,
Едет, едет государь!»
Все в мгновенье расступились,
Царю низко поклонились,
Царь спасибо им сказал...*

И с Иваном у царя в сытинском издании разговор иной, чем в ершовском «Коньке-Горбунке». Царь, налюбовавшись конями, спрашивает, кто их хозяин:

*Дурак тотчас выступает,
Шапку рваную снимает,
«Мои кони это, царь,
Что прикажешь, государь?»
«Продаешь коней ты, что ли?»
«Все в твоей есть царской воле».*

*Царь тут к князю обратился,
На Ивана тот косился,—
«Выдать деньги», — царь сказал,
Сел и быстро ускакал.*

Разве можно сравнить эти бездарные ремесленные строки с ершовскими?

В сытинском издании содержится даже некоторая критика царских слуг, но в меру, лишь для того чтобы оттенить справедливость царя. Иванушка лишен многих симпатичных черт, он глуп, драчлив, подобострастен. Из социально заостренного произведения, пробуждающего в читателях критическое отношение к существующему строю, его слугам, сказка превращена в развлекательное, невысокого качества чтение. После нее многие, забыв или не обратив внимания на пояснение, что это «подражание сказке Ершова», пройдут мимо подлинного «Конька-Горбунка».

Выпуск многочисленных подделок и подражаний «Коньку-Горбунку» был порожден стихией книжного рынка дореволюционной России. Со стороны властей этот поток ремесленных поделок не встречал никаких препятствий, скорее, наоборот, разрешение на выпуск этих изданий давалось беспрепятственно, так как все подражания «Коньку-Горбунку» были выдержаны в благонадежном духе.

Однако поколебать народную любовь к «Коньку-Горбунку» они не могли. Сказка Ершова продолжала пользоваться успехом в самых широких слоях русского общества. А подражания и подделки, как многочисленные они ни были, быстро исчезли из памяти народа.

Правда, с одной из подделок под ершовскую сказку уже в наше время произошла занятая история.

На неверном пути

Есть многое от книг, а есть и от плуток.
Старинное изречение

Отдельные исследователи творчества Ершова рассматривали «Конька-Горбунка» как явление, порожденное суммой литературных влияний, а не жизненных впечатлений автора. По утверждению других, сказка Ершова не что иное, как «попурри на сказочные темы», рассыпающееся на «отдельные сюжеты». Они отрицали авторское сознательно-творческое начало в сказке. Вряд ли можно всерьез принимать такие утверждения, порожденные зачастую определенными литературными, а порой и не литературными веяниями и пристрастиями.

Но существует еще один взгляд на происхождение сказки Ершова — некоторые исследователи считают, что «Конек-Горбунок» записан Ершовым у народных сказочников. Это утверждение пошло с легкой руки Ярославцова, который в своих воспоминаниях пишет следующее: «Сказка „Конек-Горбунок“ по вымыслу не есть создание Ершова, она — произведение народное, и, как откровенно говорил сам автор, почти слово в слово взята из уст рассказчиков, от которых он ее слышал, только он привел ее в более стройный вид и местами дополнил»⁴⁶ (выделено мною.— В. У.).

Это свидетельство отдельные литературоведы восприняли как непреложную истину.

Несомненно, что основа сказки Ершова — народная, но так же несомненно, что эта основа по вымыслу, а не по тексту и сюжетному развитию сказки. Несомненно также и то, что Ершов слышанные им сказки соединил в стройное повествование, дополнив там, где счи-

тал это необходимым для развития действия и характеров персонажей сказки. И, наконец, совершенно бесспорно, что до появления пушкинских сказок не могла оставаться безвестной и бытовать в народе сказка, написанная такими легкими стихами, что только Ершову посчастливилось набрести на нее и записать. Следовательно, к словам Ярославцова обязательно нужно добавить, что Ершов написал сказку стихами, а это добавление полностью разрушает утверждение, что Ершов взял сказку почти слово в слово из уст рассказчиков.

И все же мнение, что в народе непременно должна быть сказка, подобная «Коньку-Горбунку», что Ершов лишь записал ее, продолжало существовать среди части литературоведов.

Время шло, поиски народного шедевра, первоначального текста «Конька-Горбунка — основы сказки Ершова — ни к чему не приводили...

И вот, спустя 105 лет после первой публикации сказки Ершова, появляется сообщение о неожиданной и важной находке: в сборнике «Русские сказки Восточной Сибири», вышедшем в Иркутске в 1939 году, публикуются две стихотворных записи, поименованные «народными вариантами сказки о Коньке-Горбунке»⁴⁷.

В предисловии к сборнику цитируется приведенное выше место из воспоминаний Ярославцова и далее говорится: «Ясный смысл этих слов раскрывает перед нами первоисточник сказки о „Коньке-Горбунке“. Как и Пушкин для своих сказок, Ершов получил в этой сказке один определенный сюжет, творчески обработал его и местами дополнил. Он первый ввел его в литературу и в этом колоссальная заслуга поэта. Всю же работу по объединению основных мотивов, которые встречаются в этой сказке, мы вправе предположить, исходя из свидетельства Ярославцова, проделали

народные сказочники, от которых Ершов впервые услышал эту сказку и которые сами могли слышать ее от других сказителей — первых авторов сказки»⁴⁸ (выделено мною.— В. У.).

Разберемся в этом. В приведенном отрывке утверждается прежде всего справедливость свидетельства Ярославцова, т. е. признается, что имелся первоисточник «Конька-Горбунка», который Ершов творчески обработал и местами дополнил. Отсюда логически вытекает предположение, что имелись «первые авторы сказки» — народные сказители и что Ершов, по-существу, не является автором «Конька-Горбунка».

Однако при внимательном чтении этого отрывка мы обнаруживаем, что, опираясь в своих выводах на свидетельство Ярославцова, автор предисловия в то же время противоречит ему. Вспомните, Ярославцов говорит, что полученный сказочный материал Ершов «привел в более стройный вид». Автор предисловия утверждает иное: «всю работу по объединению основных мотивов, которые встречаются в этой сказке... проделали народные сказочники». При такой посылке убедительнее выглядят дальнейшие рассуждения по поводу народного источника «Конька-Горбунка» — «определенного сюжета», который получил Ершов от народных сказителей. Далее в предисловии утверждается, что «мы имеем на протяжении многих десятилетий в фольклоре два параллельных текста: один литературный — ершовский, а другой народный — предъершовский»⁴⁹. Автор предисловия не исключает взаимодействия книги и устной традиции в фольклорных вариантах «Конька-Горбунка», однако «они,— повторяет он,— как мы видим из прямого недвусмысленного заявления Ярославцова, не дают нам никакого права отрицать наличие полного народного текста — предъершовского «Конька-Горбунка»⁵⁰.

Итак, конечный вывод таков: существует первоначальный, «предъершовский» текст «Конька-Горбунка», Ершов получил от сказителей сюжет, творчески обработал его, местами дополнил и ввел в литературу.

Насколько же соответствуют этому выводу те «народные варианты сказки о Коньке-Горбунке», которые приведены в сборнике? Их два: один записан от сказителя П. Е. Киберева, второй — от сказителя Е. И. Сороковикова. Оба сказителя были хорошо известны фольклористам в 1930-е годы. Какие тексты сказки записаны от них, «ершовские или предъершовские», составитель сборника не уточняет. Вариант, записанный от Киберева, он характеризует как «наиболее полный из известных нам сибирских народных вариантов сказки о Коньке-Горбунке»⁵¹. Второй вариант сам сказочник Сороковиков определяет как «пушкинский»⁵².

Если это действительно народные варианты сказки о Коньке-Горбунке, которые нигде и никогда ни один из исследователей устного творчества не записывал, то несомненно сделано крупное открытие, которое может существенно изменить всю историю создания сказки Ершовым.

Обратимся непосредственно к текстам записей. Изучение и сопоставление вариантов Киберева и Сороковикова показывает, что они почти одинаковы. У Киберева записано несколько более, но и Сороковиков дополнительно к сделанной ранее записи вспоминает еще один большой отрывок, который совпадает с текстом Киберева. Возникает мысль о каком-то едином первоисточнике и этих народных вариантов сказки о «Коньке-Горбунке».

Составитель сборника, рассказывая о записи варианта сказки у Сороковикова, приводит следующие слова сказителя: «Я много запомнил. Говорил всю наизусть,

а теперь не могу. Отец рассказывал и эту — пушкинскую и ершовскую тоже рассказывал. У них стихи разные. У отца была списана сказка, называлась тетрадка «Сказочная книжка про конька-горбунька, про Ивана-дурука»⁵³.

Вероятно, об этой же записи упоминал в свое время и известный наш ученый М. К. Азадовский: «В 1927 году в Тунке (Восточно-Сибирский край, около 150 километров от монгольской границы) я нашел у сказочника Е. И. Сороковикова рукописную запись ершовской сказки. Тетрадка с этой записью имела такое заглавие: «Сказочная книжка про Ивана-дурука и конька-горбунка». Запись была сделана примерно лет семьдесят тому назад отцом Е. И. Сороковикова, который был тоже выдающимся знатоком сказки и замечательным рассказчиком»⁵⁴.

М. К. Азадовский не называет эту запись «народным вариантом», а говорит о «рукописной записи ершовской сказки». Не эта ли запись послужила для Сороковикова источником его варианта сказки о «Коньке-Горбунке»? К сожалению, ответа на этот вопрос сейчас нельзя получить. Но внимательный анализ вариантов сказки, записанных от Киберева и от Сороковикова, поможет нам найти истину.

И у того и у другого движение сюжета почти целиком совпадает с ершовским «Коньком-Горбунком». Однако все места о царе и о его отношении к Иванушке очень смягчены. Да и сам Иван в обоих вариантах записи покорен царю и царским слугам. Царь делает Ивана думным дворянином, разговаривает с ним милостиво, называет молодцом, дарит деньги. Народ относится к царю с почтением. Словом, ни ершовского, ни пушкинского, ни народного духа в этих вариантах сказки о Коньке-Горбунке не чувствуется. От них веет иным, очень знакомым; и когда мы читаем у Сороковикова:

*Народ шлялся и толпился,
Потом вдруг засуетился,
Все кричали: — Идет царь.
Идет, идет государь!
Все в мгновенье расступились,
Царю низко поклонились...⁵⁵,*

а потом у Киберева продолжение:

*Царь спасибо им сказал
И коней тут увидал...
...Дурак тотчас выступает,
Шапку рваную снимает:
— Мои кони это, царь!
Что прикажешь, государь?..⁵⁶,*

то становятся ясными первоисточники этих «народных» вариантов сказки о «Коньке-Горбунке». Разгадка оказалась весьма простой — оба сказителя повторяли тексты двух наиболее распространенных подделок под ершовского «Конька-Горбунка». Запись, сделанная у Сороковинова, повторяла издание поддельного «Конька-Горбунка», выпущенное московским книгопродавцем Яковлевым, а «вариант» Киберева — сытинскую подделку. Известно, что Сытин для своих изданий поддельного «Конька-Горбунка» использовал текст яковлевского издания, этим и объясняется сходство обоих «народных вариантов», приведенных в сборнике «Русские сказки Восточной Сибири».

Так уже в наши дни завершилась история с подделками под сказку Ершова. Из-за ошибки ученого, поторопившегося с выводами, подделка чуть было не сделалась «народным вариантом» сказки Ершова. Предвзятое мнение о том, что сказка была получена Ершовым от

рассказчиков из народа, что имелся какой-то пародный первоисточник сказки в целом, оказала плохую услугу исследователю.

Но вернемся к «Коньку-Горбунку». Расскажем о друзьях сказки, помогавших автору и его творению преодолеть нелегкие пути-дороги.

Друзья и спутники

Когда я оставлял Петербург, друзей моих не поместила бы саженная «Times».

Из письма Ершова к Треборну
в Петербург из Тобольска

Да, когда слава молодого Ершова была в зените, он имел множество друзей и приятелей. И все они, так или иначе, были друзьями и «Конька-Горбунка».

Уже говорилось, как отнесся к появлению ершовской сказки Пушкин. Существует литературное предание, записанное со слов А. Ф. Смирдина, что Пушкин не только восхитился сказкой, ее языком и образами, но и написал первые четыре строки ее, те знаменитые строки, которые, наверное, помнит каждый русский человек:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.*

Так ли это было или не так, а Пушкина мы с полным правом можем назвать крестным отцом «Конька-Горбунка».

Содействовали успеху и распространению «Конька-Горбунка» и друзья Пушкина — Жуковский и Плетнев. Много сделал для издания сказки Никитенко, первый цензор «Конька-Горбунка».

В числе друзей сказки были и учившиеся вместе с Ершовым Константин Тимковский, внук «Колумба Русского» Г. Шелехова, будущий петрашевец, и Андрей Ярославцов, оставивший нам воспоминания об авторе «Конька-Горбунка» и содействовавший выпуску сказки, и, наконец, «беззаботный весельчак, поэт шуток и знакомец целого Петербурга» Владимир Треборн, с которым Ершов переписывался всю свою жизнь. С Треборном Ершов проводил время особенно охотно, и когда Треборн ночевал у Ершовых в маленьком домике на Песках, хозяин рассказывал гостю «сказки, между прочими и про „Конька-Горбунка“». Но и этому товарищу он не говорил, что сам пишет сказку: не по какой-либо расчетливой прихоти поступал он так, а, без сомнения, по своим правилам — не открывать никому, до окончания предприятия...»⁵⁷. Скорее всего Треборн и был первым доверительным слушателем «Конька-Горбунка».

Сказка сразу же после появления ее в печати приобрела друзей во всех слоях тогдашнего общества. Это были и книгопродавцы, как, например, петербуржец А. Смирдин и москвич И. Шамоу, типографы, приказчики книжных лавок, офени-книгоноши и даже дети, хотя «Конек-Горбунок» не считался детской сказкой длительное время.

Число друзей и поклонников сказки Ершова росло с каждым годом. Уже недостаточными оказывались тиражи «Конька-Горбунка», сказку начали переписывать и распространять в списках. Ярославцов в конце 1842 года писал в Тобольск: «Недавно в департаменте (народного просвещения, где я служил) молодой канцелярский чи-

новник возле меня переписывает какую-то книгу в стихах: я посмотрел — это был твой „Конек-Горбунок“»⁵⁸. Сказку переписывали не только в столичных канцеляриях. Она проникла в глубину России и здесь тоже распространялась в списках, так как популярность сказки была велика, а книг не хватало. Безвременно скончавшийся, талантливый исследователь прошлого Сибири Н. А. Лапин нашел в Курганской области список «Конька-Горбунка», сделанный в мае 1842 года в селе Полевском близ города Шадринска⁵⁹. Несомненно, что и в других местах России бытовали списки «Конька-Горбунка».

Появились друзья сказки и в Тобольске, куда переехал жить молодой Ершов после окончания университета. Среди них первое место заняли декабристы, жившие в сибирской столице после отбытия каторжных работ в Восточной Сибири. Ершов был дружен с семьями Фонвизина, Кюхельбекера, Штейнгеля, хорошо знаком с Вольфом, Свистуновым, Оболенским, Анненковым и другими декабристами, обитавшими в городах Тобольской губернии. Через Ершова И. И. Пущин переслал в «Современник» два пушкинских стихотворения, посвященных ему: «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок» и «Мой первый друг, мой друг бесценный»⁶⁰.

Сказка Ершова была популярна среди декабристов. Добрейший П. С. Бобрищев-Пушкин, который слыл в Тобольске мастером на все руки: механиком, столяром, слесарем, портным, маляром, лекарем-гомеопатом,— свою резвую мухортую лошадку, на которой ездил по городу, назвал «Коньком-Горбунком». Его появление на улице в экипаже, запряженном небольшим мохнатым сибирским коньком, неизменно вызывало у тоболяков добрую улыбку, словно и на самом деле разъезжал по городу Иванушка на своем волшебном Коньке.

В 50-х годах появляется в Тобольске у Ершова новый

друг — молодой учитель рисования Михаил Степанович Знаменский. Ершов и раньше знал Мишу Знаменского, сына священника, воспитанника ялуторовских и тобольских декабристов. Знаменский был на 18 лет моложе Ершова, но это не мешало их дружбе.

Молодой художник не один раз обращался к образам «Конька-Горбунка». В Тобольском краеведческом музее сохранились некоторые дружеские шаржи Знаменского на своего старшего друга. На одном из них Ершов изображен дремлющим за письменным столом. Он уже располнел, отяжелел. Над ним парят Иванушка верхом на Коньке-Горбунке, Сузге, сибирский казак в боевом снаряжении — герои одноименных произведений Ершова. Под рисунком подпись: «Голоса: „Еще, еще, Петр Павлович!“.— П. П.— „Нет, уж, извините, русскому человеку и вздремнуть не мешает“». На дружеские шаржи Знаменского Ершов отвечал эпитафиями. Собирался М. Знаменский иллюстрировать сказку Ершова. В Тобольском музее хранится обложка «Конька-Горбунка», рисованная им.

Дружба Ершова и Знаменского продолжалась до смерти автора «Конька-Горбунка». Знаменский оставил интересные воспоминания о Ершове, опубликованные пока частично⁶¹.

Большими друзьями «Конька-Горбунка» были Менделеевы, старинная тобольская семья. Прадед Дмитрия Ивановича Менделеева с материнской стороны, В. Я. Корнильев, был первым сибирским типографом, издателем книг и тобольских журналов. Семьи Ершовых и Менделеевых дружили не одно поколение. Ершов мальчиком учился у И. П. Менделеева, а потом, когда вернулся в Тобольск, учил юное поколение Менделеевых, в том числе и Митю Менделеева, который кончил Тобольскую гимназию в 1849 году.

Довольнительное письмо оном
 Коня-Горбунка Ершова от Д. И.
 Ершова 1862 г. к Д. И. Менделееву
 а также и уведомление изданию
 моего сочинения. 11. Москва 1862 г.

Крашенинников

Фотокопия расписки, выданной
 Д. И. Менделееву книгоиздате-
 лем П. Крашенинниковым

Дружба с Менделеевыми не ограничилась Тоболь-
 ском. В научном архиве Д. И. Менделеева, хранящемся
 при Ленинградском Государственном университете (НАМ
 ЛГУ), найдены несколько десятков писем Ершова, из ко-
 торых видно, что автор «Коня-Горбунка» до последних
 лет жизни переписывается с Менделеевыми, а Дмитрий
 Иванович принимал самое горячее участие в судьбе сво-
 его бывшего учителя.

После ухода в отставку в январе 1862 года Ершов
 жил некоторое время очень тяжело — «одними долгами
 и надеждами». Д. И. Менделеев помог ему выхлопотать
 пенсию и получить деньги за пятое издание «Коня-

Горбунка», выплату которых задерживал издатель сказки П. Крашенинников⁶².

Д. И. Менделеев, несмотря на свою занятость, становится доверенным лицом автора «Конька-Горбунка» по всем делам, связанным с выпуском сказки.

В архиве Д. И. Менделеева хранится расписка Крашенинникова, из которой видно, что Ершов полностью доверил своему бывшему ученику дела по изданию сказки. Вот о чем говорит эта расписка:

Доверительное письмо от Петра Павловича Ершова от 23-го января 1865 г., к г. Менделееву, а также и условия на 6-е издание мною получены.

11 марта 1865 г.
П. Крашенинников⁶³.

Шестое издание «Конька-Горбунка» вышло в 1865 году. Оно повторяло без изменения предыдущее издание.

После смерти П. Крашенинникова, когда право на издание сказки перешло к издательской конторе товарищества «Общественная польза», Д. И. Менделеев продолжал быть добровольным доверенным автора. Сохранилось следующее письмо издателей к Д. И. Менделееву:

Милостивый Государь Дмитрий Иванович!
Посылаю Вам Условие по сказке г. Ершова, покорнейше прошу подписать его в таких словах:

По письменному полномочию Петра Павловича Ершова — к сему условию профессор Дмитр/ий/ Ив/анович/ Менд/елеев/ руку приложил

Как получу подписанное Вами Условие,

то завтра вместе с копией сего Условия вышлю к г. Ершову триста рублей.

Ваш (подпись неразборчива) ⁶⁴.

Много было искренних и добрых друзей у «Конька-Горбунка». Они поддерживали его в трудные годы, облегчали ему дороги к читателям. Но самым верным другом этой нестареющей сказки с первых дней ее появления на свет был народ. «Конек-Горбунок» жил в народе, был связан с народом теснейшими узами, сказка была признана народом, она одна из немногих литературных произведений по праву получила имя народной сказки, хотя и имела автора.

Чем больше нарастали в России революционные настроения среди трудящихся масс, тем все активнее служил делу освобождения русского народа от гнета царизма «Конек-Горбунок». В руках умелых пропагандистов сказка Ершова становилась одним из орудий борьбы. Когда, например, молодой Короленко, сосланный в Вятскую губернию, начал вести пропаганду среди ремесленников и подбирал для этой цели книги, то в список наряду с произведениями Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина он включил и «Конька-Горбунка» Ершова.

С народной любовью к «Коньку-Горбунку» связан один из интереснейших эпизодов революционной борьбы в России.

Родной брат „Конька- Горбунка“

*Ай ду-ду! ай ду-ду!
Я возьму свою дуду:
Подберу-ка я под дудку,
Братцы, новую погудку!*
С. Верхоянцев. «Конек-Скакунок»

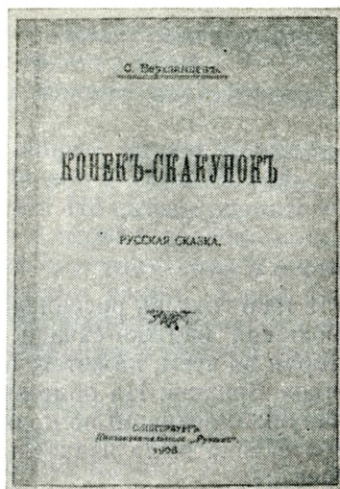
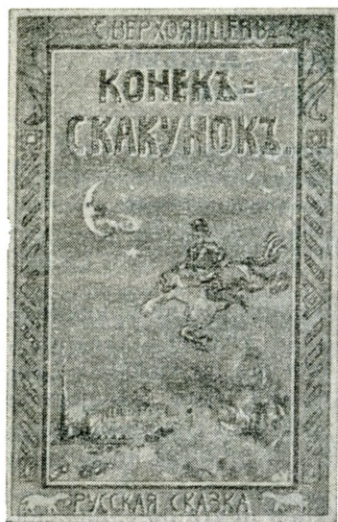
В 1906 году на российском книжном рынке появилась небольшая книжка-сказка в стихах «Конек-Скакунок», которая во всем, кажется, была похожа на «Конька-Горбунка» Ершова. На обложке книжки был изображен Иванушка, летящий по ночному небу над городом; выпущена сказка была издательством с невинным названием «Ручеек».

Начальные строки сказки звучали почти по-ершовски. Три крестьянских сына сеяли пшеницу, возили ее в «град-столицу», там продавали,

*Кучи денег загребали
И с набитою мошной
Возвращались домой...*

Правда, затем следовали иные строки, относящиеся скорее не к сказке, а к тогдашней действительности:

*Тут встречал их становой,
У них деньги отбирал,
Царю в подать отправлял.
Братья часто голодали,
Зато подати справляли.*

Обложка и титульный лист
первого издания сказки С. Ба-
сова-Верхоанцева

Потом все шло так же, как в «Коньке-Горбунке»: ночная пограва пшеницы, старшие братья пытаются поймать вора, но неудачно, тогда караулить идет Иван:

*Ночь настала. Месяц всходит,
Стадо звезд с собой выводит,—
Как овечек пастушок
Выпускает на лужок.
Обойдя загон кругом,
Сел Ванюха за кустом,
Злого вора поджидает,
Сам краюху уплетает.*

Иван ловит чудо-кобылицу, по ее просьбе отпускает ее на волю и получает в награду дивную лошадку:

*Скакунка еще такого
Не найти и у царя,
И хоть роста небольшого,
А свезет богатыря.*

Чем дальше знакомился читатель со сказкой, тем яснее становилось, что первое впечатление от «Конька-Скакунка» обманчиво. Сказочные эпизоды, напоминающие «Конька-Горбунка», перемежались в «Коньке-Скакунке» с яркими, обличительными картинами тогдашней России. Читатель находил в сказке реалистические сцены расправы полицейских с крестьянами, расстрела перед царским дворцом народных ходоков, усмирения восставших солдат, разгона Государственной думы, разгула черной сотни, крестьянских восстаний и их кровавых подавлений.

Даже характерные для «Конька-Горбунка» зачины глав в этой сказке несли явно выраженную социальную и политическую нагрузку. Вот один из таких зачинов:

*Раз-два-три, четыре, пять,
Вышел месяц погулять,
Шесть-семь-восемь, девять, десять,
Царь велел его повесить;
Часты звезды набежали,
Царю месяца не дали...*

Невинная детская считалочка оборачивалась в сказке явной крамоллой.

Конек-Скакунок так же близок к Ивану, как и Конек-Горбунок — Иванушке. Он выручает Ивана из цар-

ской тюрьмы, достает ему шапку-невидимку, с помощью которой Иван проникает во дворец к царю. В царя и его окружении нетрудно узнать Николая II, его семью и всю дворцовую камарилью: Трепова, Победоносцева, Витте, Дубасова и других. Сказка заканчивается революционным взрывом, свержением и гибелью царя, его приближенных, торжеством трудового народа.

Такой была эта новая сказка — не подражание ершовской, не подделка под нее, а острый политический памфлет, зовущий народ к непримиримой и победоносной борьбе против царизма. «Конек-Скакунок» скорее родной брат «Конька-Горбунка», верный товарищ по общему делу. Автором сказки был профессиональный революционер Сергей Александрович Басов, выпустивший сказку под псевдонимом Верхоянцев⁶⁵.

История «Конька-Скакунка» могла бы послужить сюжетом для увлекательного произведения. Его автор, отбыв сибирскую ссылку, снова включился в революционную борьбу. После 9 января 1905 года Басов, как член дружины боевиков, был арестован и посажен в Трубецкой рavelин Петропавловской крепости. По амнистии 17 октября он был выпущен и вернулся в боевую дружину. В это время он написал свой первый памфлет «Что сделал король французский со своим народом и что народ сделал с ним». Вскоре он начал писать «Конька-Скакунка». Вот как сам Басов рассказывает об этом: «Дописывал „Конька“ в Питере, опасаясь обысков. Часто уходил ночевать к кому-либо из знакомых, забирая с собой рукопись. В одну из таких ночевок нарвался на обыск. Сказка чуть не погибла.

Часа в два ночи звонок. Конечно „телеграмма“. Пока полиция грохала в дверь, вся квартира успела одеться. Я свернул в трубку тетрадь, раздумывая, куда бы ее сунуть.

Входит в мою комнату социал-демократическая девица.

— С. А., у вас есть что-нибудь?

— Да вот боюсь, как бы не увели моего коня.

— Давайте. Спрячу.

Она подняла матерчатую штору окна и в отвисшую мешком поперечную складку опустила мой сверток.

Я махнул рукой — нелепая похоронка. Но все равно деваться было некуда. Полиция уже топталась в передней.

Обыск делали довольно усердно, забрали кое-какие книги, но никому в голову не пришло опустить поднятую в моей комнате занавеску...»⁶⁶.

Сказку напечатало революционное издательство В. Распопова, и она первое время продавалась свободно — полиция не отличала «Конька-Скаунка» от «Конька-Горбунка» и не чинила препятствий. Беда пришла из Тифлиса, где в марте 1907 года в одном из книжных магазинов полицейские задержали несколько экземпляров «Конька-Скаунка». Тифлисский комитет по делам печати нашел, что «это издание... содержит явные признаки преступления... и подлежит изъятию из продажи». Главное управление по делам печати разослало после этого специальный циркуляр о запрете сказки С. Верхоянцева. Тогда сказка выходит нелегально под другим названием: С. Серый. «Шапка-невидимка». На титуле книжки указывалось, что она напечатана в Казани в типографии А. Н. Крылова книгоиздательством «Ласточка». Все эти сведения оказались мистификацией: ни Крылова, ни его типографии, ни издательства «Ласточка» в Казани и в помине не было!⁶⁷ Началась охота за «Коньком-Скаунком» и его автором, который так и остался полиции неизвестным, но за поимку которого была объявлена награда в 5 тысяч рублей.

Полицейские меры были безуспешными. «Конек-Скакунок» продолжал скакать по российским просторам. Тогда полиция ничего лучшего не придумала, как выпустить свое, черносотенное издание — «Новый Конек-Скакунок». Тут-то и началась прямо-таки сказочная путаница. Не по силам было полицейским чинам разобраться, какое же издание продается: ершовский ли «Конек-Горбунок», крамольный ли «Конек-Скакунок» или благонамеренный «Новый Конек-Скакунок». На расправу тащили всех!..

Заслуженная учительница РСФСР Александра Филипповна Бродская недавно рассказала мне, как еще совсем юной, в 1907 году, выполняя партийное поручение, она спасала от полицейских сказку «Конек-Скакунок». В нелегальной квартире на Знаменской улице (сейчас улица Восстания) она встретилась с Басовым и договорилась о дальнейших действиях. Нужно было взять в книжном магазине пачку «Конька-Скакунка» и перенести ее на нелегальную квартиру. Сам Басов сделать этого, естественно, не мог. Дальнейшие события разворачивались так: Басов, одетый как небогатый, средней руки помещик, ведя на поводке дорогую охотничью собаку, отправился в книжный магазин. Бродская шла по другой стороне улицы. Так они дошли до Невского, Басов зашел в книжный магазин, выбрал книгу, поговорил с продавщицей и незаметно показал ей на Бродскую, которая зашла следом и рассматривала книги у другого прилавка. Магазин был просторный, покупателей в нем было мало. После того, как Басов ушел, Бродская подошла к той же продавщице, заплатила за выбранную книгу. Продавщица припаковала ее к большой пачке и отдала девушке. «Выйдя из магазина,— вспоминает А. Ф. Бродская,— я пошла налево по Невскому, не спеша, заглядывая в окна магазинов. Найдя номер нужного мне дома,

вошла в подъезд, поднялась по лестнице, позвонила. Меня провели по широкому коридору большой квартиры... Горничная постучала в дверь. Вышел молодой человек в студенческой форме, пригласил меня зайти в комнату. Я отдала ему большой пакет со сказкой-памфлетом. Простилась и ушла. Все прошло благополучно. Поручение было выполнено!»⁶⁸.

Несмотря на все полицейские ухищрения, за короткое время было распространено до полумиллиона экземпляров «Конька-Скакунка». Сказка приобрела широкую известность. Профессор Н. А. Котляревский даже представил «Конька-Скакунка» на соискание Пушкинской премии. Разразился скандал, премию сказке, конечно, не дали, она подверглась новым ожесточенным нападениям. Дело дошло до того, что стали преследовать только за чтение «Конька-Скакунка». В 1910 году в Омске судили двух солдат, которые читали сказку Верхоянца в казарме. Прокурор требовал для них каторжных работ. Это вызвало возмущение даже в среде военных.

Не зря царские власти так преследовали «Конька-Скакунка». Известна высокая оценка этой сказки В. И. Лениным: «Из более современных нам писателей Владимир Ильич весьма одобрительно относился к Басову-Верхоянцеву, автору книжки „Конек-Скакунок“, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич. — ...Владимир Ильич считал, что книга Басова-Верхоянца весьма полезна для крестьян, так как в легкой, занимательной форме она дает первое представление о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй царской России»⁶⁹.

После поражения революции 1905 года сказка Верхоянца звала народ к восстанию и свержению самодержавия, к новой, победоносной революции, в результате

которой народ возьмет в свои руки власть. «Конек-Скакунок» в доходчивой для самых широких кругов народа форме открывал перспективу дальнейшей борьбы. Басов писал, что «в годы черной столыпинской реакции книжечка эта... служила отрадой для многих простых сердец, чаявших „настоящей“ революции»⁷⁰.

«Конек-Скакунок выходил несколько раз и после 1917 года, он навсегда остался в истории русского революционного движения»⁷¹.

Так, до 1917 года скакали по дорогам России Конек-Скакунок и Конек-Горбунок, персонажи двух сказок, образный строй которых был направлен против самодержавия и его слуг.

Но вот пришло время, когда последний русский царь был отправлен в ссылку в Тобольск, город, которому российское самодержавие создало черную славу каторжной тюрьмы, где гибли лучшие сыны России, где некогда у тобольского гимназиста зарождались первые образы пророческой сказки, предрекающей царю гибель в кипящем котле...

Вскоре последний русский царь, в котором было так много от глупого, суеверного, грязного и кровавого царя из «Конька-Горбунка», только неизмеримо более страшный и преступный, был увезен из Тобольска в Екатеринбург и в подвале дома купца Ипатьева расстрелян по постановлению Уральского областного Совета.

С гибелью российского самодержавия иной стала судьба «Конька-Горбунка».

Властелин нового царства

Маленькие отвоевали ее у больших и навсегда завладели ею, как драгоценной добычей, и тут только большим удалось разглядеть, что для детей это в самом деле хорошая пища — вкусная, питательная, сытная, способствующая их духовному росту.

К. И. Чуковский. «От двух до пяти»

Процесс превращения «Конька-Горбунка» в детскую сказку был сложен и длился не одно десятилетие. При рождении «Конька-Горбунка» ни у кого, в том числе и у ее автора, не было и мысли, что сказка написана для детей. Очень уж сильна была в ней критическая струя, простонародна ее лексика. «Если бы Ершов вздумал сунуться со своим „Коньком-Горбунком“ в журнал для детей, оттуда вытолкали бы его „Горбунка“, как мужика-деревенщину, затесавшегося на губернаторский бал», — говорил К. Чуковский⁷².

Но уже в середине 1840-х годов начинают раздаваться голоса в пользу сказки Ершова как произведения для детей. Мы упоминали, что рецензент из «Отечественных записок» возмущался именно тем, что «Конька-Горбунка» рекомендуют детям «как приятное и назидательное чтение». Во второй половине XIX и особенно в начале XX века «Конек-Горбунок» читается и взрослыми и детьми. Но только после того, как была устранена Великим Октябрем в нашей стране социальная и политическая основа сказки Ершова, «Коньком-Горбунком» прочно и навсегда завладевают дети.

Победа революционного народа в октябре 1917 года открыла перед «Коньком-Горбунком» новые дороги.

Обложка первого советского издания «Конька-Горбунка», 1920 (из собрания Н. И. Суroveжина)

И у начала этих дорог стоял А. М. Горький. Писатель Н. Телешов в своих воспоминаниях свидетельствует: «Когда в начале 1918 года я пришел в издательский отдел ВЦИК и стал говорить о необходимости издать хоть несколько книг для детей и назвал „Конька-Горбунка“, то случайно зашедший сюда Горький поддержал мое предложение и помимо „Горбунка“ вспомнил о моем рассказе „Елка Митрича“ и указал на него, как на желательный. Обе эти книжки были приняты к изданию и вскоре напечатаны только что возникшим в тот год Госиздатом»⁷³.

«Конек-Горбунок» вышел в красочной обложке с рисунками художника А. Ф. Афанасьева, сделанными еще до революции. Это было одно из первых детских изданий

в нашей стране. И хотя Афанасьев в своих рисунках, рожденных своеобразным и несколько односторонним восприятием сказки Ершова только как народной сатиры, не сумел постичь всей глубины образа Иванушки и раскрыть в иллюстрациях сокровенный смысл «Конька-Горбунка», книжка была хорошим подарком детям молодой Советской страны.

Так начался путь «Конька-Горбунка» по нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Открылись перед ним поистине широкие и безграничные дороги. Если с 1834 по 1917 год за 73 года в нашей стране сказка Ершова выходила 26 раз и только на русском языке, то за годы Советской власти «Конек-Горбунок» был издан 128 раз общим тиражом более 7 миллионов экземпляров на 27 языках народов СССР⁷⁴. Теперь сказка Ершова кроме русского языка звучит на азербайджанском, армянском, башкирском, белорусском, бурятском, грузинском, кабардинском, калмыцком, каракалпакском, киргизском, латышском, литовском, марийском, молдавском, мордовском (эрзя), мордовском (мокша), осетинском, татарском, тувинском, туркменском, узбекском, украинском, черкесском, чувашском, эстонском, якутском языках. Никогда еще она не достигала такого массового распространения — каким бы тиражом ни выпускали «Конька-Горбунка», он никогда не лежит на полках библиотек или на прилавках книжных магазинов.

Вот уж поистине завидная судьба книги — она всегда в руках читателей!

«Конек-Горбунок» наконец обрел свое царство, став в нем полновластным хозяином. Он властвует в нем как добрый, мудрый и чуткий правитель. Его дороги ведут теперь в самые сокровенные глубины ребячьего сердца, пробуждают в детях первые искры добра и стремления

к справедливости, учат отличать коварство от прямодушия, ложь от правды, подлость от честности, подлинную дружбу от фальшивой. Сказка зовет ребенка к хорошему, к благородным поступкам, ребенок сразу же становится союзником и соратником Иванушки и Конька и вместе с ними переживает все приключения, торжествует над злом. Сказка помогает ему незаметно, исподволь овладевать изумительным, емким, сочным, живым русским языком. Сказка дает ему первый урок революции, пусть пока еще наивный, но в своем образном существе правильный и понятный ребенку — злой царь гибнет в кипящем котле, а Иванушка — народ — из того же котла выходит преобразенным, прекрасным и сам становится царем.

С бессмертными образами ершовской сказки дети встречаются и на экранах и на сценах многих театров. В кино и на сцене воздействие сказки Ершова порой многократно усиливается, и у юных зрителей легко возникает так называемый эффект присутствия — они живут в сказке, переживают вместе с ее героями все трудности, горюют, когда Иванушку и Конька постигает беда, радуются, когда они побеждают. Их вера в то, что Иванушка и Конек преодолению все препятствия и достигнут цели, непоколебима.

М. Кнебель вспоминает такой характерный эпизод. На одной из постановок «Конька-Горбунка» в Центральном детском театре «...произошла ужасная накладка. Оборвался трос, по которому кукольные фигуры Ивана и Конька мчались за облака. Я вскрикнула и схватилась за голову. Сидевший рядом со мной мальчик в очках, лет шести, успокаивающе положил руку на мое колено и сказал: „Тетя, вы не беспокойтесь,— это просто веревка оборвалась, а Конек Ивана все равно довезет!“.— Вот так,— заканчивает Кнебель,— в наших зрителях и было

Сказка П. Ершова на языках народов СССР (из собрания Н. И. Суровежина)

намешано все вместе — и трезвость, и фантазия, и чуткость, и удивительный оптимизм!..»⁷⁵

Да, сказка Ершова удивительно оптимистична и жизнерадостна. Эти качества подкупают детей, созвучны им, поэтому-то так легко и так прочно вошел «Конек-Горбунук» в число самых любимых детьми произведений, поэтому-то так свободно и вольно скачет он в нашей стране, став подлинным властелином в царстве детских сказок.

Правда, не все было гладко на новых путях «Конька-Горбунка». Нашлись и после 1917 года люди, пытавшиеся наклеить на сказку и ее героев позорные ярлыки и не пустить ее к детям. Иванушку называли «высочкой-царедворцем», а о финале сказки говорили в таких, сейчас звучащих анекдотически, выражениях: «Старый царь гибнет насильственной смертью и на его трон восходит вчерашний конюх, покровительствуемый судьбой, временщик, рука об руку с привезенной из-за моря дворцовой интриганкой». Порой некоторые левацки настроенные литературоведы называли сказку Ершова апологией кулачества, ее автора превращали чуть ли не в воинствующего монархиста, а путь Иванушки определяли как «историю одной замечательной карьеры сына простого деревенского кулака, поднявшегося до царя»; сказку в целом низводили до «ценной археологической находки», которая дает современному читателю «возможность воссоздать в своем воображении основные черты мрачной, но интересной эпохи смычки формировавшегося кулацкого (торгового) капитала с наследственным дворянско-бюрократическим самодержавием». Порой и художники, не понимая сказки или отдавая дань формалистическим увлечениям, представляли персонажей «Конька-Горбунка», в том числе Иванушку и Конька, в уродливом, совершенно чуждом духу народной сказки обличье⁷⁶.

Но все это лишь мимолетные эпизоды на новых победных путях «Конька-Горбунка». Сейчас об этом можно вспоминать только как о заблуждении порой талантливых и умных людей да видеть в этом урок — очень опасна для художника дань формализму и субъективизму в трактовке образов художественного произведения.

Перед «Коньком-Горбунком» открылись все двери. Его друзья исчисляются теперь миллионами. И на новых дорогах сказки Ершова раскрылось одно из поразительных ее свойств — она не только доставляет радость людям, но и будит их творческие силы, рождает в человеке желание ответить на эту изумительную сказку творческим актом. Особенно ярко проявляется это свойство на детях. Сказка захватывает их, они вживаются в нее, начинают импровизировать, создавая на основе «Конька-Горбунка» свой игровой мир. Не минует это необыкновенное воздействие сказки и взрослых. Именно поэтому, пожалуй, ни с одним из литературных произведений прошлого не происходило и не происходит в наши дни столько превращений, как с «Коньком-Горбунком».

Чудные превращения

*Доселева Макар огороды копал,
А нынече Макар в воеводы попал.
«Конек-Горбунок»*

Сказка Ершова стала сейчас подобна могучему дереву, глубоко ушедшему корнями в родную землю, широко раскинувшему свои ветви, на которых висят новые, невиданные.

данные ранее плоды. Нет искусства, куда бы не проложил дороги «Конек-Горбунок», где не нашли бы воплощения его персонажи, где не разрабатывался бы творчески его сюжет... Мы встречаемся с «Коньком-Горбунком» и в кино и на сцене театра, слушаем радиопостановки и смотрим телевизионные передачи, посвященные сказке Ершова, видим Иванушку и Конька, воплощенных в дереве, в камне, в гипсе, в фарфоре, изображенных на бумаге, холсте. Порой неожиданно мы встречаемся с персонажами любимой сказки, пользуясь предметами быта и повседневного обихода,— то на обертке конфеты промелькнет Иванушка верхом на верном Коньке, мчющийся между звезд, то на почтовой марке изображена Жарптица из ершовской сказки, то на конверте порадуют нас чудо-кони и рядом с ними волшебный Конек...

Поистине безграничны в наше время превращения героев сказки Ершова.

Часто эти чудные превращения становились самостоятельными произведениями искусства. Через них пролегали новые пути «Конька-Горбунка» к сердцам его почитателей.

Первыми откликнулись на сказку Петра Ершова художники.

Почти одновременно с появлением в печати «Конька-Горбунка» сказка и ее герои привлекают их внимание. И только запрет, наложенный на сказку, задержал выход иллюстрированного издания. Оно появилось лишь в 1856 году⁷⁷. Авторами иллюстраций были художник-график Р. К. Жуковский и известный гравер Л. А. Серяков. Судя по манере гравировки, менее изощренной, чем позднейшие работы Л. Серякова, эти иллюстрации были сделаны до 50-х годов.

Не исключено, что иллюстрации к «Коньку-Горбунку»

Рисунок Р. Жуковского, гравированный Л. Серяковым, из четвертого издания сказки

были созданы Жуковским и Серяковым еще по договоренности со Смирдиным и перешли по наследству с другими издательскими материалами Крашенинникову. Смирдин, как мы знаем из писем Ершова, еще в середине 40-х годов намеревался выпустить сказку с иллюстрациями. К этому же времени относится и знакомство Серякова со Смирдиным и первые его граверные работы — пятнадцать гравюр к книге Ф. Студицкого «Путешествие вокруг света» (1846 г.). Приказчиком в эти годы у Смирдина работает и П. Крашенинников. В 1851 году Крашенинников подготовил к печати рукопись «Конька-Горбунка», ту самую, которая увидит свет че-

рез пять лет. Скорее всего в начале 50-х или даже в конце 40-х годов иллюстрации к этому изданию были готовы, и, если бы не задержка с выпуском сказки, они увидели бы свет значительно раньше.

То, что гравировал рисунки к «Коньку-Горбунку» Л. Серяков, нам кажется не случайным. Сказка Ершова была близка Серякову — сыну крепостного, хорошо знавшему быт, думы и чаяния русского крестьянства, ее герои нашли благодарный отклик в сердце молодого гравера. До нас не дошли оригиналы рисунков Жуковского, но мы вправе считать Серякова соавтором художника, внесшим свою, и не малую, долю творчества в первые иллюстрации к «Коньку-Горбунку».

Рисунки Жуковского и Серякова к сказке Ершова стали классическими. В них глубокое знание предмета, понимание сказки, любовь к ее героям. Подлинная реалистичность рисунков соответствует духу сказки. Недаром они выдержали испытание временем и воспроизводились как лучшие в большинстве дореволюционных изданий. Последнее издание «Конька-Горбунка» с рисунками Жуковского и Серякова вышло накануне Октябрьской революции в 1917 году.

До революции сказку Ершова иллюстрировали еще несколько художников. Наиболее известны иллюстрации Е. Самокиш-Судковской и А. Афанасьева. Трактровка сказки и ее персонажей в рисунках Самокиш-Судковской даже в малой степени не соответствует содержанию и духу «Конька-Горбунка». Рисунки выполнены в типичной для художницы слащавой, сусальной манере, Иванушка, его братья, отец изображены благонравными красавцами-пейзажами, царь благороден, его слуги благообразны. О рисунках А. Афанасьева мы уже говорили. Автор не знает меры в сатирическом изображении всех без исключения персонажей. Однако рисунки эти талантливы, пол-

ны динамизма, мысли и, несомненно, оказали влияние на дальнейшее развитие оформления сказки Петра Ершова. Ряд художников и в наше время, иллюстрируя «Конька-Горбунка», вольно или невольно повторяли манеру Афанасьева.

После революции «Конька-Горбунка» иллюстрировали многие художники: в Омске (Е. Крутиков, 1935, и К. Белов, 1959), в Куйбышеве (В. Челинцев, 1947), в Свердловске (Л. Эппле, 1948), в Краснодаре (Б. Есьман и Г. Литовченко, 1949), в Смоленске (С. Шестопал, 1950), в Минске (М. Бельский, 1954), в Ростове-на-Дону (Н. Драгунов, 1956), в Ташкенте (А. Константинов, 1964), в Кемерове (В. Пресняков, 1967) и т. д. Иллюстрировали сказку Ершова в наше время и такие известные художники, как Н. Пискарев, Ю. Васнецов, Н. Коцгерин, М. Карпенко, В. Конашевич, Р. Сайфуллин, В. Милашевский и другие.

Конечно, не все иллюстрации равноценны. Однако мы с уверенностью можем сказать, что каждый из современных художников стремился достичь в своей работе наибольшего, предельного выражения существа сказки Ершова, ее народного характера. Иным это удавалось лучше, другим хуже. Сейчас уже накопился обширнейший материал по иллюстрированию «Конька-Горбунка», весьма интересный и поучительный, ожидающий своего исследователя⁷⁸. Несомненно, что художники еще много раз будут обращаться к бессмертным образам сказки Ершова.

Отдельно следует сказать о рисунках на темы из «Конька-Горбунка», исполненных художниками Палеха. Если художники-иллюстраторы стремятся к наибольшей связи рисунка с текстом, то палешане (И. Голиков, А. Борунов, Н. Зиновьев, А. Котухин и др.) дают на основе сказки самостоятельные произведения, живущие не

Афиша, извещающая о первых постановках детского спектакля «Конек-Горбунок». Тобольский музей

как иллюстрации к сказке, а как законченное целое, навеянное «Коньком-Горбунком» и существующее независимо от литературного источника.

После 1917 года сказка Ершова прочно утвердилась на сцене театров. Она сыграла важную роль в создании и становлении советского театра юных зрителей. Когда в 1922 году в Петрограде возник первый в мире театр юного зрителя, ставший потом одним из ведущих детских театров нашей страны, его руководитель А. Брянцев первым спектаклем поставил «Конька-Горбунка» Ершова⁷⁹. Впоследствии, в 1937 году, отмечая пятнадцатиле-

тие этого театра, Брянцев писал: «Работа над сказкой „Конек-Горбунок“ была первой работой нового театра, театра для нового зрителя, театра, не опирающегося на опыт чьей-либо работы с этим зрителем... Все в этой работе над спектаклем рождалось вновь, без какого-либо готового режиссерского приема, без каких-либо ассоциаций с предыдущей работой»⁸⁰. Постановка «Конька-Горбунка» в творческой жизни театра юного зрителя занимает исключительно важное место. Ее новаторство было рождено самой жизнью и во многом определяло общее художественное и педагогическое лицо вновь создаваемого театра. Реакция юных зрителей на этот спектакль была самой непосредственной — сценическое действие казалось им воплощением недавних революционных событий.

В 1952 году сказка Ершова была поставлена на сцене Центрального детского театра в Москве⁸¹. Вспоминая об этой постановке, М. Кнебель писала, что работа над «Коньком-Горбунком» во многих отношениях оказалась прекрасной школой для режиссуры и для актеров. С тех пор спектакль идет с большим успехом и неизменно пользуется любовью у юных зрителей.

Завоевал «Конек-Горбунок» и экран. Искусство кино открыло богатейшие возможности для воплощения на экране сказки Ершова. Незадолго до Великой Отечественной войны появился первый художественный фильм «Конек-Горбунок» в постановке А. Роу. Роль Иванушки в нем исполнял популярный киноактер П. Алейников. В 1947 году киностудия «Союзмультфильм» выпустила фильм-сказку «Конек-Горбунок»⁸². Он потребовал огромного труда — для фильма было изготовлено художниками-мультипликаторами 150 тысяч рисунков! Фильм получился поистине сказочным, необыкновенно богатым по краскам и прошел с огромным успехом. В 1964 году он

Гжель. Иванушка с Коньком-Горбунком (из собрания Н. И. Суровежина)

получил почетный диплом на международном фестивале в Чехословакии.

Нашли воплощение персонажи «Конька-Горбунка» и в скульптуре. Первыми откликнулись на сказку Ершова народные скульпторы-умельцы. Несколько работ посвятил «Коньку-Горбунку» замечательный богородский резчик по дереву Николай Максимов; прекрасные скульптурные группы на темы сказки Ершова создали гжельские мастера.

Из профессиональных скульпторов, отдавших дань

«Коньку-Горбунку», мы можем назвать. В. Орлова, создавшего несколько скульптурных групп из цветного глазированного фарфора — чудо-кони, Иванушка верхом на Коньке и другие. Работы В. Орлова, на наш взгляд, лишены простоты и ясности, которыми так подкупает читателя ершовский «Конек-Горбунок».

Словом, нет искусства, в которое не пролегли бы пути «Конька-Горбунка».

Несколько позднее сказка Ершова нашла свое воплощение в музыке.

Под звуки музыки

*А конек его — горбатко —
Так и ломится в присядку
К удивленью людям всем.*

«Конек-Горбунок»

Балет «Конек-Горбунок, или Царь-Девница», поставленный на сцене Мариинского театра еще в 1864 году, нельзя назвать воплощением «Конька-Горбунка» в новом для него виде искусства.

Штатный композитор балетной музыки при петербургских императорских театрах, воспитанник Миланской консерватории Цезарь Пуни написал к этому балету невыразительную музыку, скомпонованную из несложных мотивов разных песен и танцев, никоим образом не выражающую дух народной русской сказки⁸³. Постановщик балета — французский балетмейстер Артюр Сен-Леон настолько исказил существо сказки, что в газетах появились возмущенные отклики. Балет называли пародией на сказку Ершова, возмущались вольным обраще-

нием с сюжетом, введением в балет черпосотенных мотивов. И, действительно, от ершовской сказки в балете ничего не осталось. Сен-Леон превратил «Конька-Горбунка» в некую аллегория, прославляющую Александра II, «освобождение» крестьян, русский царизм. Вместо царя в балете действовал условный восточный хан, по мысли балетмейстера символизирующий силы, противостоящие «прогрессивным начинаниям» Александра II, в финале опереточные пейзажи, разорвав бутафорские цепи («крепостное право!»), прославляли царя. В апофеозе балета — «общая пляска представителей народов, обитающих в России» — символ всеобщего благоденствия и процветания под скипетром российского императора...⁸⁴

Балет Сен-Леона и Ц. Пуни стал постоянной мишенью для поэтов и карикатуристов «Искры» и других сатирических журналов 60 и 70-х годов прошлого века.

Впоследствии над балетом работали талантливые хореографы М. Петипа (1895) и А. Горский (1901 и 1917). Балет стал богаче, в нем яснее проступила народная струя, он дожил в обновленном виде до наших дней. От первоначальной постановки в нем оставалось мало, в балете появилось много вставных номеров, принадлежавших примерно двенадцати композиторам. В нем зазвучала музыка Алябьева, Чайковского, Рубинштейна, Асафьева и даже Листа («Вторая рапсодия»).

Но и эта музыка не была органически связана с содержанием балета. Только обаяние имени «Конька-Горбунка», талант постановщиков, создавших подлинные шедевры балетного искусства в отдельных сценах⁸⁵, да сверкающее мастерство исполнителей помогали старому балету держаться на сценах театров.

В первые годы революции балет с успехом шел в Москве и Петрограде. За четыре театральных сезона с ноября 1917 по 1921 год балет был поставлен на сцене Боль-

шого театра 30 раз, почти наравне с «Лебединым озером» (33), «Тщетной предосторожностью» (32) и «Дон Кихотом» (31)⁸⁶. Новый зритель, пришедший в театр, по-новому воспринимал балет, вкладывая в него революционное содержание. Вот одно из свидетельств тех лет: «Неоднократно можно было услышать бесхитростные рассуждения красноармейцев, делавших свои выводы из фантастических приключений Иванушки: „Ведь вот, можно сказать, вроде как наш брат мужик при царском режиме. Царь себе сидит, а народ все за него делает. И туда и сюда. Только крутись, знай да поворачивайся. И тоже, как пришло время в котел лезть, царь сгорел, а народ вроде как царем из котла вышел.“»⁸⁷.

И все же, несмотря на обновление старого балета, на его успех в первые годы революции, было ясно, что он ни по сюжету, ни по сценической трактовке персонажей и, что особенно важно, по своей музыке не соответствует сказке Ершова. «Старый „Конек-Горбунок“... в музыкальном отношении представлял собой образец такого наивного анахронизма, что сохранение его в репертуаре было уже невозможным»⁸⁸. Некоторое время балет в его прежнем виде еще живет на сценах театров, то появляясь, то исчезая, а потом совсем и, пожалуй, уже навсегда сходит со сцены.

Однако сказка Ершова настолько уже связала свою судьбу с балетной сценой, что отсутствие ее в репертуаре воспринималось как невосполнимая утрата. Ощущалась настоятельная необходимость создания нового балета по сказке Ершова, выражавшего средствами музыки и хореографии подлинного «Конька-Горбунка».

Такое музыкальное произведение появилось уже в наши дни.

В 1956 году в Москве впервые прозвучало произведение молодого советского композитора Родиона Шедри-

Программа балета «Конек-Горбунук» в Большом театре Союза ССР

Суббота 15 февраля 1967 г.

С 4 спектакля по две партии: предств. балета
в Большом театре СССР 1967 г.

р. ШЕДРИН

КОНЕК-ГОРБУНОК

Балет в 3 действиях в 4 картинах
Либретто Ф. ВАЙФМАННА и П. МАДЖАРСКОГО
по сказке П. ПУШКИНА

Постановлено лично и худож. режиссером

	Народный артист СССР Лауреат Державинской премии
Хореографический коллектив	М. И. Володарский
Музыка	Заслуженный артист РСФСР В. В. Водяников
Конек-Горбунук	Р. И. Давыдов
Царь	Народный артист РСФСР В. А. Пашаев
Старик-чародей	Г. К. Тарасов
Девичий хор	М. А. Паргулова
Татарки	А. Р. Семенов
Царский конюх и слуги	Г. Г. Зинченко
Конюх-дворянин	С. И. Власов
	И. Г. Желудков, В. Р. Заварзин, В. И. Шадринский, А. И. Лоскутов, Г. К. Тарасов
Балет-лаборатория	В. И. Ковалев
Косы	И. П. Лавров, И. А. Соловьев

на — сюита из балета «Конек-Горбунук». Еще учась в Московской консерватории, композитор начал работать над партитурой нового балета. Сюита Родиона Шедрина была принята хорошо, в следующем году ее премировали на Международном фестивале молодежи в Москве, она часто стала звучать в концертах и в передачах по радио.

Р. Шедрину удалось воплотить дух сказки в музыке, ее вечно живой, никогда не умирающий оптимизм, радостное веселье, светлый добрый юмор, пронизанный любовью к Иванушке и Коньку, иронию и сарказм по отношению к царю и его окружению.

Сюита состоит из девяти частей, каждая из которых потом вошла в музыку балета.

Трудно да и бесполезно пересказывать музыку, ее надо слушать. Можно спорить с композитором о трактовке отдельных эпизодов сказки, не соглашаться с его увлечением политональностью некоторой разорванностью музыкальной ткани в отдельных местах балета, но нельзя не признать того, что композитору удалось проникнуть в существо сказки. Используя народную музыку и введя в оркестр народные инструменты, композитор достигает выразительности и оригинальности в характеристиках персонажей, большой силы воздействия на слушателей. Особенно удался музыкальный образ «Конька-Горбунка». Точны и музыкальные характеристики братьев Ивана — недалеких, грубых, вороватых, Царя — иронически-насмешливая. Изысканно и изящно звучит в балете тема Царь-Девуцы. Менее развернута музыкальная тема самого Иванушки, но и ее задушевная, напевная мелодия, пронизанная лирическим чувством, пробуждает в слушателе симпатию к герою сказки.

Введение в оркестр необычных звуковых средств, их умелое использование в партитуре балета — деревянные коробочки (вудблоки), стук смычков о скрипки, бубенцы, курские трещотки — придают музыке особый колорит, полнее вводят слушателей в мир русской сказки, раскрытой композитором «с тем чудесным равновесием серьезного и смешного, реального и фантастического, которое свойственно народному поэтическому вымыслу»⁸⁹ и, добавим мы, так характерно для ершовской сказки.

В 1960 году балет Р. Щедрина «Конек-Горбунок» был поставлен на сцене Большого театра в Москве балетмейстером А. Радунским (авторы либретто — В. Вайнонен и П. Маляревский). Вскоре балет был показан за рубежом — в 1963 году в Лондоне, а в 1965 году в Белграде. Успех был необыкновенен, английская и югославская печать отмечала триумф балета, «настоящий русский ха-

рактер спектакля, веселый юмор, озорной задор музыки»⁹⁰. Царь-Девицу исполняла Майя Плисецкая, Иванушку — В. Васильев, Конька-Горбунка — Т. Попко, Царя — В. Левашов.

Теперь можно сказать, что «Конек-Горбунок» вышел еще на одну дорогу — музыкальную и балетную, и здесь его появление было триумфальным.

Вдали от Родины

*Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал...*

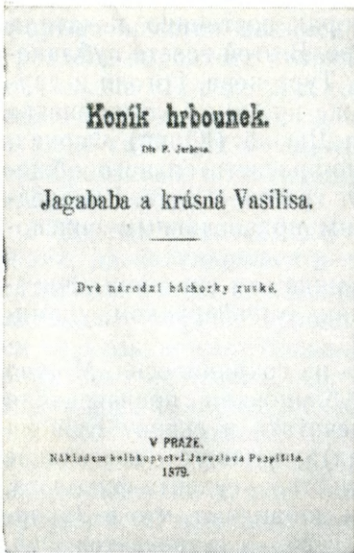
«Конек-Горбунок»

Сказка Ершова давно перешагнула через рубежи нашей страны.

Первое упоминание о зарубежном издании «Конька-Горбунка» мы встречаем у Ярославцова. Он пишет в своей книге: «Сказка эта существует в напечатанном переводе на чешском наречии: „Konik hrbounek. Wzêdalanana dle P. Jersôwa“»⁹¹.

Книга Ярославцова вышла из печати в 1872 году, следовательно, в начале 70-х годов, а может быть и в конце 60-х сказка Ершова была переведена и издана за границей. Однако нам не удалось обнаружить зарубежное издание тех лет. Из Славянской библиотеки в Праге нам сообщили, что первое чешское издание «Конька-Горбунка» вышло в 1879 году в издательстве Ярослава Поспишила. «Конек-Горбунок» был напечатан вместе со сказкой «Баба-Яга и прекрасная Василиса».

Титульный лист первого чешского издания «Конька-Горбунка». Прага, Славянская библиотека

Ярославцов говорит и о другом свидетельстве популярности «Конька-Горбунка» за рубежом: «Учитель из г. Пешта, угорский русин, г. Фейерчак, издававший педагогическую газету в Пеште на русском языке, случайно встретившийся со мной, говорил, что сказка Ершова „Конек-Горбунок“ хорошо известна в оригинале на его родине между русинами; дети и взрослые очень интересуются ею»⁹².

И это свидетельство относится к 60—70-м годам. При любезном содействии венгерского писателя А. Гидаша удалось выяснить, что в начале 70-х годов в Закарпатье выходила литературная и общественная газета

«Свет» на русском языке, которая постоянно печатала материалы о русской литературе. В этой газете публиковались произведения Пушкина, Тургенева, Гоголя и других русских писателей. В это же время в Закарпатье жил преподаватель богословия Дьюла (Юлий) Ферчак, который был членом культурно-просветительного общества, группировавшегося вокруг газеты «Свет». Впоследствии Ферчак стал мукачевским православным епископом.

Венгерские ученые, сообщившие эти сведения, считают вероятным тождество Ферчака с Фейерчаком, упомянутым Ярославцовым.

Полного комплекта «Света» не сохранилось. «Можно предполагать, что там, где публиковали произведения русских писателей, могли напечатать и сказку Ершова (в несохранившихся номерах)», — пишут венгерские ученые. Ссылаясь на свидетельство студента-филолога, русина по происхождению, они добавляют, что в Закарпатье имя Фейерчак не встречается, «а встречается Ферчак или Фирчак».

Розыски первых зарубежных публикаций «Конька-Горбунка» нельзя считать законченными. Исследователя на этом пути ожидают интересные и неожиданные находки.

В 1876 году «Конек-Горбунок» выходит в Вильнюсе на польском языке, в 1888 году в Варшаве, в начале нового века в Париже, в 1921 году в Стокгольме, в 1922 году в Берлине, затем в Лондоне и Нью-Йорке, в Токио и в Риме. В эти же годы и позднее он неоднократно издается в Чехословакии на чешском и словацком языках, в Польше.

Все эти издания выпускаются с иллюстрациями, порой весьма своеобразными. В Японии, например, художник Ногаи Тамоцу изобразил Иванушку молодым япон-

Издания «Конька-Горбунка» на чешском, польском, итальян-

ском и японском языках (из собрания Н. И. Суrowежина)

цем, крепким, коренастым. Японцами же изображены и его братья. Иллюстрации Тамоцу точно передают содержание сказки. На обложке изображен Иванушка верхом на Коньке-Горбунке, летящий над городом. Рисунок выполнен с большой экспрессией, с хорошей передачей стремительного движения, Иванушка держится за уши Конька — вспомните в сказке — «Уши в загребни берет»... Весьма интересно найдены сцены базара, небесного царства, финальная сцена сказки и т. д. Видно, что художник полюбил героев сказки. Хороши в этом издании и цветные иллюстрации.

Одно из последних польских изданий «Конька-Горбунка» (1956) иллюстрировано художником Я. Шанцером. Это большеформатная, оригинально и любовно сделанная книга. Полосные цветные иллюстрации в пышной, подчеркнута романтической манере чередуются с остро-сатирическими, даже порой гротесковыми, штриховыми рисунками. Как и в японском издании, симпатии художника на стороне Иванушки, он изображен добродушным, наивным, крепким и стройным крестьянским паренком.

Итальянское издание 1949 года иллюстрировал художник Джулиано Мажжоре. Рисунки его выполнены в скупой штриховой манере, очень выразительны, несколько модернизируют содержание сказки, переведенной не стихами, а прозой.

Немецкое издание 1922 года отличается добротностью и красочностью иллюстраций, однако излишняя их манерность, псевдорусский стиль мешают правильному пониманию существа сказки Ершова.

Чешские издания наряду с оригинальными иллюстрациями, сказочно-романтическими, яркими, пользуются и рисунками советских художников.

Зарубежные художники творчески подходят к выра-

Рисунок из японского издания
 («И такой он стал пригожий...»)

жению существа русской сказки в рисунках. Сопоставление и изучение иллюстраций к «Коньку-Горбунку» в зарубежных изданиях — весьма интересная и благодарная тема для исследователя*.

Сказка Ершова превосходно усваивается народами тех стран, где у власти стоят чуждые народным интересам круги. Тут с поправками на национальные особенности и специфику исторического развития в какой-то степени повторяется то же, что некогда было с «Коньком-

* С зарубежными изданиями «Конька-Горбунка», а также с многими современными и дореволюционными русскими изданиями сказки Ершова я познакомился у московского книголюба Н. И. Суровежина. Приношу Н. И. Суровежину глубочайшую благодарность за предоставленную мне возможность пользоваться его уникальным собранием.

pato dal capo ai piedi! Lacquazzone l'ho preso tutto, non ha mai smesso di piovere! —

Non potevano capacitarsi chi mai recasse loro tanto danno.

I fratelli si affrettarono ad aprirgli e gli chiesero con interesse che cosa avesse visto. Danilo en-

Рисунок из итальянского издания («Стали думать да гадать...»)

Горбунком» в царской России — сказка быстро становится народной, принимает формы, соответствующие национальному фольклору, выражая чаяния и думы народные, приспособляясь к новым условиям.

Вот один из любопытных примеров того, как русская сказка о «Коньке-Горбунке» трансформировалась в Англии.

В конце 1940-х годов в Англии вышел сборник «Цыганские народные сказки», составленный почетным сек-

ретарем общества цыганского фольклора Дорой Ейтс. В разделе народного творчества уэльских цыган напечатана сказка «Король сельдей». Содержание ее настолько сходно с «Коньком-Горбунком» Ершова, что не остается никакого сомнения в том, что «Король сельдей» — трансформированный в английских условиях вариант русской народной сказки.

У Джека, сына каменотеса, появился верный друг — старик, превратившийся в старого конька, обладающего волшебной силой. С его помощью Джек совершает добрые дела — спасает короля сельдей, выброшенного морем на мель, кормит больного великана и т. д. По дороге он находит красивое перо, друг-конек предупреждает, что это перо принесет несчастье. Далее следует цепь приключений, связанных с пером, поимкой птицы, похищением красавицы-хозяйки волшебной птицы, весьма схожих с подобными же приключениями Иванушки из «Конька-Горбунка». С помощью друга-конька Джек выходит из всех испытаний благополучно. Король сельдей в благодарность за спасение достает со дна морского ключи от замка, великан переносит замок на новое место. В финале сказки Джек женится на хозяйке замка, владелице красивой птицы.

Сказка «Король сельдей» была записана и переведена с цыганского Джоном Сэмпсоном. Однако в этой сказке нет ничего из традиционного цыганского фольклора. Сюжет сказки, ее персонажи, главный герой — сын каменотеса и сам каменотес — говорят, скорее о том, что она близка трудящимся Англии. А в основе ее, судя по всем элементам сюжета, лежит «Конек-Горбунок», возможно пришедший в фольклор из литературного источника — перевода сказки Ершова на английский язык.

Интересную историю имеет и одно из первых немецких изданий «Конька-Горбунка». В войну 1914—1918 го-

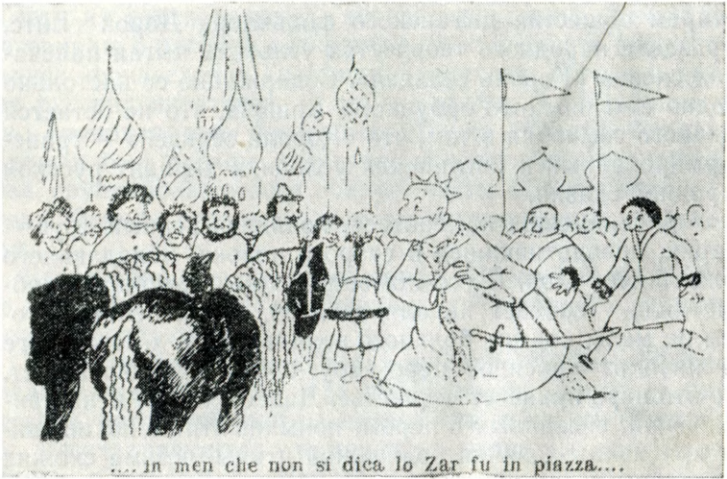

Рисунок из итальянского издания («Царь раскланялся и вмиг молодцом с повозки прыг...»)

дов был взят в плен австрийский врач Гросс. Пленного направили в Тобольск, где он и прожил значительное время, изучил русский язык и впервые познакомился с «Коньком-Горбунком». Сказка пленила его, и он, вернувшись из России, издал в Берлине «Конька-Горбунка» в своем переводе, указав, что перевод сделан «размером подлинника». Вскоре в Берлине вышло в издательстве Отто Кирхнера русское издание «Конька-Горбунка» с цветными иллюстрациями, тиражом 3000 экземпляров, из которых, как сообщала реклама, 500 «напечатано на роскошной бумаге».

А вот какая встреча Иванушки и Конька-Горбунка с яванским витязем на крылатом коне Куда Сембрани произошла в конце 1950-х годов на Ленинских горах в одной из аудиторий МГУ:

«За партами, у окна, выходящего на новые корпуса Черемушек, сидят молодые индонезийцы... Минул только первый месяц учебы на подготовительном факультете, а Аснам уже довольно свободно читает наизусть:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле,
Жил старик в одном селе...*

Последнюю строчку еще раз! Никак не выговорить русское „ж“...

По очереди читают ту же сказку, записанную прозой. „Конек-Горбунок“ — это тоже трудно произнести, но когда вспоминаешь „Куда Сембрани“, милую с детства, все же легче станет! Принцы из яванских легенд на нем до луны долетали. У Иванушки еще больше разных приключений.

— Огонь горит далеко впереди,— читает яванец Субанто.— Но где же дым? Дыма нет. Огонь горит без дыма. „Ты не должен брать этот огонь,— говорит конек.— Это не огонь, а птица. Птицу зовут Жар-птица...“⁹³.

Это в Москве. А совсем недавно, когда уже я работал над этой книгой, писатель Евгений Иванович Осетров, рассказал мне об одной о любопытной встрече с «Коньком-Горбунком» в степях Монголии. В юрте арата он познакомился с малышом, сыном хозяина юрты, и малыш, узнав, что с ним разговаривает русский писатель, неожиданно, без предупреждения начал читать на память сказку Ершова. Он без запинки прочитал целую главу и

был страшно горд, когда гость похвалил его за успехи в изучении русского языка...

Так проявилась в наши дни еще одна «служба» «Конька-Горбунка» Ершова.

Счастливая и необыкновенная судьба у этой русской сказки, у ее героев — крестьянского сына Иванушки и его друга Горбунка. Далеко за пределами Родины пролегли их пути. Скачет Горбунок по всему миру: можно встретить его и под крышами Парижа, и в тени небоскребов Нью-Йорка, и в джунглях Явы, и у подножья Фудзиямы, и на берегах Евфрата и Нила, и во многих других местах земного шара. Скачет он по миру, завоевывая сердца людей, веселит и старых и малых своими волшебными приключениями, а добрым молодцам нашептывает мудрый урок...

Многим людям на земле полюбился русский Иванушка, умный, веселый, находчивый, смелый юноша, преодолевший с помощью своего друга Горбунка все препятствия, поборовший все беды. Не только для забавы, не для праздного времяпровождения читают люди эту сказку. Учит она добру и справедливости, вселяет бодрость и веру в будущее.

Но и на этом не кончаются дороги «Конька-Горбунка». Необыкновенная биография этой книги и ее героев получает в наши дни поистине сказочное продолжение.

«Конек-Горбунок» не только проложил пути во все концы земного шара, но и вырвался за его пределы, в космос...

В будущее

*Тут Иван с Землей простился
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапку набок, подбодрясь!*

«Конек-Горбунок»

Иванушка с Коньком-Горбунком не новички в космосе. Помните, как Иван, «взяв три луковицы в карман, потеплее приоделся, на коньке своем уселся» и отправился в гости к Солнцу и Месяцу выполнять поручение Царь-девицы.

В сказке подробно описывается небо, где очутился Иван. Земля там голубая и светлая, поляны лазоревые, столица красоты необыкновенной. Птицы райские в раззолоченных клетках песни царские поют...

На этом мишурное великолепие небесного царства заканчивается. Главное не в нем. Главное в том, как Иванушка ведет себя на небе, как он беседует с небесными светилами. А разговаривает он с ними запросто, с чувством собственного достоинства: «Я с земли пришел землянской...»

Разителен контраст между тем, как небесный владыка — Месяц Месяцович — по сравнению с земным владыкой — царем — обращается с Иванушкой, как на небе относятся к крестьянскому сыну. Месяц называет Иванушку уважительно — Иванушка Петрович и, хотя Иванушка увез Царь-девицу и причинил небесным светилам волнения и беспокойство, разговаривает с ним без угроз, без грубостей, совсем иначе, чем земной царь, который то и дело кричит на Иванушку, грозит плетью и мучениями. На небе рады, что все наконец разъяснилось: «Месяц с радости заплакал, ну Ивана обнимать, целовать и миловать...». Расстаются они друзьями:

*Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал...*

Иванушка уже не тот, что был в начале сказки, характер его после всех испытаний изменился. В нем теперь ярко проявляется чувство собственного достоинства, он стал увереннее в себе, смелее.

Критика по-разному отнеслась к сценам небесного путешествия. Некоторые рецензенты просто не отметили их, сочтя путешествие Иванушки на небо простым сказочным приемом автора, другие стали уличать Ершова в различных неточностях, третьи высказывали недовольство тем, что автор «Конька-Горбунка» вставил в сказку эпизод небесного путешествия, нарушив тем самым ее реалистическую ткань.

Между тем путешествие на небо органически входит в сюжет «Конька-Горбунка» и несет большую смысловую нагрузку. Без этого путешествия сказка была бы обедненной, а образы Иванушки и Конька неполными, незавершенными. Вспомните, как разворачивается сюжет сказки: сначала Иванушка и Конек преодолевают сравнительно небольшие препятствия, решают не очень сложные задачи — ловят Жар-птицу, добывают для старого царя заморскую царевну. Затем препятствия все усложняются. Иванушке и Коньку приходится преодолевать уже стихийные силы природы — на пути их стоит океан, подводное царство, наконец, небо...

В то время по религиозным представлениям небо было обителью бога и ангелов. Гениальный реализм сказки Ершова и выразился в том, что автор ее пренебрег этим официальным представлением и показал небо подобным земле, только более красивым, а обитателями

его сделал не ангелов и бога, а Солнце и Месяц, наделив их человеческими чувствами и желаниями. Из обычных для того времени небесных реквизитов Ершов оставил только «райских птиц», да и тех усадил в золоченые клетки. Сам путь Иванушки на небо по-земному прост — это не «вознесение», а простая дорога:

*...конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут.
Тут Иван с Землей простился
И на небе очутился...*

Все просто, обыденно. Никакого божьего царства на небе нет. Недаром в запрете сказки Ершова немалую роль сыграло духовенство, которое не могло простить автору «Конька-Горбунка» кощунственное, с их точки зрения, изображение обитатели всевышнего.

Вместе с тем визит Иванушки и Конька на небо, полные достоинства переговоры Иванушки с Месяцем, успешное возвращение на землю служат как бы последними, необыкновенной важности чертами в обрисовке главных героев. Все это подчеркивает беспредельное могущество народа, могущество, которому подвластны не только земные, но и небесные стихии.

В лучших народных сказках — о коврах-самолетах, о скатертях-самобранках, о живой и мертвой воде — заложен глубокий смысл, вера в могучую власть человека труда над всеми стихиями природы.

В наше время сбываются многие сказочные мечты. Сбылась и мечта о покорении небесной стихии, образно выраженная в сказке Ершова.

В борьбе за освоение неба у нас не был забыт и «Конек-Горбунок». В 1923 году, в Одессе, известный авиаконструктор Василий Николаевич Хиони построил небольшой самолет и назвал его «Конек-Горбунок». Самолет оказался на редкость удачным — он был устойчив в воздухе, прост в управлении, легко совершал длительные полеты низко над землей. Всего было выпущено 30 таких «Коньков-Горбунков». До 1928 года они успешно применялись в сельскохозяйственной авиации.

...4 октября 1957 года первый в мире советский искусственный спутник Земли вышел на орбиту, возвестив о начале космической эры. 14 сентября 1959 года автоматическая межпланетная станция «Луна-2» доставила на Луну вымпел с гербом Советского Союза. И тогда опять вспомнили об Иванушке и его Коньке. В «Правде» появляется стихотворение С. Я. Маршака «Здравствуй, Месяц Месяцович!» Вот оно:

*Помню, в книжечке дешевой
Сказки дедушки Ершова,
Мчался на коне
Русский парень, сын крестьянский,
Из земли своей землянской
К Месяцу — Луне.
Конь горбатый, быстроногий
По лазоревой дороге
Всадника домчал.
— Здравствуй, Месяц Месяцович,
Я Иванушка Петрович!
Парень закричал.
А теперь не в сказке детской
И не в смутном сне,
Гордый вымпел наш советский
Рдеет на Луне.⁹⁴*

Вскоре в космос взлетел и человек. 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин совершил первый в мире космический полет, первым запросто побеседовал с Солнцем и Месяцем, со звездами. За ним полетел земляк автора «Конька-Горбунка» Герман Титов, совершивший уже не один, а 17 витков вокруг Земли... Один за другим космонавты начали путешествия по небесным орбитам.

Первая женщина-космонавт Валентина Терешкова говорила, что мечта о полете возникла у нее давно, еще с детства: «Зимой вечера длинные, а ночи страшные, и бабушка ночевала с нами,— вспоминала Терешкова.— Уложит нас и, пока мы не уснем, бубнит свои сказки — про Красную шапочку, про Серого волка, про Ковер-самолет, про Скатерть-самобранку. Очень полюбилась нам сказка о Коньке-Горбунке и Жар-птице. Часто в полуснах видела я себя мчащейся по небу на стремительном „Коньке-Горбунке“⁹⁵.

Сказка перестает быть сказкой, потому что народная мечта, воплощенная в ней, стала реальностью. И, наверное, многие, читая «Конька-Горбунка» детям, не один раз услышат вопрос:

— Он космонавт, Иванушка? Как Гагарин?..

Сказка, написанная в то время, когда о шестидесятих годах XX века не могло быть даже приблизительного представления, дожила до космической эры и продолжает жить и радовать собой детей и взрослых. Это ли не свидетельство ее подлинной народности?

Когда-то Ершов писал, что «Конек-Горбунок» будет жить, «пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, т. е. до скончания века».

Это пророческие слова — сказке Ершова, ее героям обеспечена долгая и славная жизнь.

Примечания

- ¹ И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 49.
- ² Революционное народничество 70-х годов XIX века Т. I. М., 1964, стр. 188.
- ³ «Библиотека для чтения». Том 3. 1834 (вышел 5 мая 1834 г.)
- ⁴ Объявление о выходе сказки и продаже ее в магазине А. Смирдина было помещено в «Северной пчеле» № 225, 5 октября 1834 г. «Конек-Горбунок» был напечатан в типографии Х. Гинце, цензурное разрешение от 4 июня 1834 г.
- ⁵ А. К. Ярославцов. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его А. К. Ярославцова. СПб., 1872, стр. 15—16.
- ⁶ Там же, стр. 2.
- ⁷ Вышла из печати в 1836 г. в Петербурге. Цензурное разрешение от 17 декабря 1835 г.
- ⁸ Либретто оперы было передано Ершовым Гунке весной 1835 г. (ЦГЛА, ф. Ершова, № 13, стр. 4). Опера была одобрена к представлению в июне 1836 г. На авторском экземпляре либретто сохранилось распределение ролей — Шелихова, Петров, Эйзрих, Воробьева и другие артисты Александринского театра.
- ⁹ Первое представление оперы Глинки состоялось в Петербурге 27 ноября 1836 г. (ст. ст.).
- ¹⁰ После «Конька-Горбунка» Ершов задумал написать грандиозную сказочную поэму «из всех русских сказок», своего рода сказочную «Илиаду». В письмах Ершова петербургским друзьям сохранились отрывки этого незаконченного произведения.
- ¹¹ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 73.
- ¹² Там же, стр. 191.
- ¹³ «Конек-Горбунок». Сказка Ершова, переделанная в игру Гусек. С приложением литографированных картинок. М., 1868.
- ¹⁴ К. И. Чуковский. От двух до пяти. Изд. 14-е. М., 1960, стр. 336.
- ¹⁵ Служебные перемещения отца Ершова в Петропавловск и Омск установлены Б. Бухштабом.
- ¹⁶ Рафаил Данибегов (Данибегашвили) прибыл в Омск после своего индийского путешествия в 1813 г. Из Омска он уехал в Москву.
- ¹⁷ Ф. Ефремов. Десятилетнее странствование. М., 1952.
- ¹⁸ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 7—8.
- ¹⁹ ГАОО, ф. 3., оп. 1, № 824—15.

²⁰ А. П. Филиппов. Пугачевское движение в Сибири. «Северная Азия». Кн. 3 и 4. М., 1926.

²¹ П. Словцов. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. М., 1834, стр. 34.

²² Государственный архив Тюменской области, ф. 557, оп. 12, лл. 2 и 22—25.

²³ П. Словцов. Письма из Сибири. М., 1828.

²⁴ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 9.

²⁵ До опубликования «Конька-Горбунка» появилась в печати только «Сказка о царе Салтане» (1832 г.); остальные сказки Пушкина были напечатаны позднее, хотя и написаны раньше опубликования сказки Ершова, а именно — «Сказка о рыбаке и рыбке» написана в 1833 г., «Сказка о попе и работнике его Балде» — в 1830 г., «Сказка о мертвой царевне...» — в 1833 г. Не исключена возможность, что Ершов был знаком с этими сказками до их публикации.

²⁶ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 2—3.

²⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1953, стр. 151.

²⁸ Второе издание вышло в 1840 г., третье — в 1843; оба в Москве.

²⁹ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 124.

³⁰ Там же, стр. 146.

³¹ Там же, стр. 152.

³² Первое издание «Повести...» вышло в 1782 г., в переделке Матвея Комарова. В XVIII веке «Повесть...» выдержала 5 изданий.

³³ М. Лемке. Очерки по истории царской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 256.

³⁴ Там же, стр. 257.

³⁵ Там же, стр. 258.

³⁶ Там же, стр. 258.

³⁷ В. Бурмин (В Утков). Тобольский гражданин Петр Ершов. — «Омский альманах». Кн. 5. 1945.

³⁸ П. В. Долгоруков. Правда о России. Ч. I. Париж, 1861, стр. 94.

³⁹ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 155.

⁴⁰ Ср. П. Черных. Заметки о языке «Конька-Горбунка» Ершова. — Альманах «Новая Сибирь». Кн. 11. Иркутск, 1935.

⁴¹ И. П. Лупанова. О двух изданиях (первом и четвертом) сказки П. Ершова «Конек-Горбунок». — В сб.: Русский фольклор. Материалы и исследования. III. М.-Л., 1958, стр. 334—342.

⁴² ЦГАЛИ, ф. П. П. Ершова, д. № 12, л. 72.

⁴³ В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. В 12-ти т. СПб., 1902. Т. 10, стр. 114.

⁴⁴ Там же, т. 11, стр. 35.

- ⁴⁵ Там же, т. 12, стр. 176.
- ⁴⁶ А. К. Ярославцов. Указ, соч., стр. 3.
- ⁴⁷ Русские сказки Восточной Сибири. Сборник. Иркутск, 1939.
- ⁴⁸ Там же, стр. XXXI.
- ⁴⁹ Там же, стр. XXXII.
- ⁵⁰ Там же, стр. XXXII.
- ⁵¹ Там же, стр. 335.
- ⁵² Там же, стр. 313.
- ⁵³ Там же, стр. 313.
- ⁵⁴ М. К. Азадовский. П. Ершов. Автор «Конька-Горбунка». Предисловие к сборнику «П. Ершов». «Библиотека поэта». Малая серия. М., 1936, стр. 27.
- ⁵⁵ Русские сказки Восточной Сибири, стр. 55.
- ⁵⁶ Там же, стр. 250—251.
- ⁵⁷ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 14.
- ⁵⁸ Там же, стр. 93.
- ⁵⁹ Н. Лапин. Автор «Конька-Горбунка» на Урале. — «Урал», 1965, № 3, стр. 186.
- ⁶⁰ В. Утков. Петр Павлович Ершов. Биографич. очерк. Новосибирск, 1950, стр. 70—71.
- ⁶¹ ЦГАЛИ, ф. 765, ф. 1235.
- ⁶² «Сибирские огни». 1964, № 7, стр. 174—180.
- ⁶³ НАМ ЛГУ, папка 55, ч. 1, док. 1.
- ⁶⁴ НАМ ЛГУ, папка 23, ч. 1, док. 77.
- ⁶⁵ С. А. Басов (1869—1952) много раз сидел в царских тюрьмах, был сослан в Верхоянск, принимал активное участие в жизни якутской ссылки. В гражданскую войну сражался за Советскую республику. Автор нескольких революционно-сатирических сказок.
- ⁶⁶ С. Басов - Верхоянецев. Из давних встреч. Азеф. — «Новый мир», 1926, кн. 10, стр. 140—141.
- ⁶⁷ Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907). «Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1969, стр. 621—623.
- ⁶⁸ Письмо А. Ф. Бродской от 14 апреля 1969 г. к автору этой книги.
- ⁶⁹ В. Бонч-Бруевич. Воспоминания. М., 1968, стр. 25.
- ⁷⁰ «Новый мир», 1926, кн. 10, стр. 141.
- ⁷¹ В 1917 г., накануне революции и после нее, «Конек-Скакунок» издавался 10 раз — в Москве, Петрограде, Иркутске, Ставрополе, Киеве, Ярославле. После 1917 г. сказка Верхоянцева отдельным изданием выходила в 1921, 1923, 1927 и 1935 гг. Последняя по времени публикация сказки была в 1969 г. в указанном выше издании «Сти-

хотворная сатира первой русской революции (1905—1907), стр. 121—172.

⁷² К. Чуковский. Указ. соч., стр. 335.

⁷³ Н. Телешев. Записки писателя М., 1950, стр. 95. Скорее всего этот разговор следует отнести не к 1918, а к началу 1919 г., так как положение о Государственном издательстве было утверждено ВЦИК и опубликовано 19 мая 1919 г.

⁷⁴ Данные Всесоюзной книжной палаты на январь 1970 г.

⁷⁵ М. Кнебель. Вся жизнь. М., 1967, стр. 508.

⁷⁶ Пример такого издания — «Конек-Горбунок», выпущенный в 1934 г. издательством «Academia».

⁷⁷ Существуют свидетельства, что часть тиража третьего издания «Конька-Горбунка», выпущенного книгопродавцем К. И. Шамовым, имела шесть рисунков. Однако мне не встречался экземпляр третьего издания с рисунками.

⁷⁸ Начало этой работе положено В. В. Пахомовым в его труде о книжных иллюстрациях. См. «Книжное искусство». Кн. 2-я. Иллюстрации. М., 1962, стр. 250—253; 264—267; 282—302.

⁷⁹ Первая постановка была осуществлена 23 февраля 1922 г. Возобновлена с 23 февраля 1963 г.

⁸⁰ «О Коньке-Горбунке». Сборник. Л., 1937, стр. 75.

⁸¹ Постановка М. Кнебель и А. Некрасовой.

⁸² Сценарий Е. Помещикова и Н. Рожкова, режиссер-постановщик И. Иванов-Вано.

⁸³ Ц. Пуни был весьма плодовитым композитором, он написал 10 опер, 40 месс и 312 балетов, из них 35 для петербургской сцены. Наиболее известны балеты Пуни — «Ундина» (1843), «Эсмеральда» (1844), «Дочь фараона» (1862).

⁸⁴ Сен-Леон (настоящее имя Шарль Виктор Артюр Мишель) был своего рода всевропейской знаменитостью. Он выступал в театрах Германии, Англии, Португалии, Франции. России как балетмейстер, солист-скрипач и танцовщик. После «Конька-Горбунка» он поставил в Петербурге балет по пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» (1867), совершенно исказив поэтический оригинал. Против такой деятельности Сен-Леона на русской балетной сцене выступали Салтыков-Щедрин, В. Курочкин и др.

⁸⁵ Русский классический танец Царь-Девы и танцы обитателей подводного царства поставлены А. Горским; «оживленные фрески» — М. Петипа.

⁸⁶ «Советский театр». Документы и материалы (1917—1921). Л., 1968, стр. 86.

⁸⁷ «Конек-Горбунук». Балет в пяти действиях. Театропечать, 1930, стр. 5.

⁸⁸ Н. Рославлева. Майя Плисецкая, М., 1968, стр. 69.

⁸⁹ Н. Рогожина. Сюита из балета Р. Щедрина «Конек-Горбунук». М., 1960, стр. 25.

⁹⁰ Н. Рославлева. Указ. соч., стр. 116.

⁹¹ А. К. Ярославцов. Указ. соч., стр. 116.

⁹² Там же, стр. 2.

⁹³ В. Дружинин. В нашем квадрате тайфун. М., 1962, стр. 107—109.

⁹⁴ «Правда», 1959, 15 сентября

⁹⁵ В. Николаева-Терешкова. Вселенная — открытый океан. Рассказ летчика-космонавта СССР. Изд-во «Правда». М., 1964 стр. 22—25.

Виктор Григорьевич Утков

Редактор
Художник
Технический редактор
Корректор

ДОРОГИ
«КОНЬКА-
ГОРБУНКА»

Г. И. Куйбышева
Д. А. Аникеев
Н. И. Аврутин
Н. И. Рубинчик

А 03343. Сдано в набор 2/XI 1970 г. Подписано к печати 29/VI 1970 г. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 4,38. Бумага № 1. Изд. М. 31. Заказ 51. Тираж 38 000 экз. Цена 19 коп.

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Тулская типография Глав-
графпрома Комитета о ругии при
Совете Министров СССР, г. Тул-
проспект им. В. И. Ленина, 109.

19 КОП.